

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA

ОТДЕЛ ВНЕШНЕГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
DEPARTMENT OF EXTERNAL SERVICE

191069, РОССИЯ, С.-Петербург, Садовая ул., 18
18, Sadovaya st., St.Petersburg, 191069, RUSSIA

начало
start

Форма № 12

Заказ № 4460/7 Дата 8/xii-09

Микропленка 1 экз. ПОЗИТИВ экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.
все

Наименование или
номер издания 49/415

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ
Not to be reproduced without permission

ЕЛИЗАВЕТА
ПОЛОНСКАЯ

ПОЕЗДКА
НА УРАЛ

зала 49/415
шкаф №
полка

1/22 8/12

ПРИБОЙ

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ 23095

Г. П. Б.
1927.

49/415

ПОЕЗДКА НА УРАЛ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД.

ГОС. ГЕОГРАФИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
ПР. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД

1927

География для всех

Простакова. А к чему б это служило на первый случай?

Стародум. На первый случай годилась бы и к тому, что, ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Простакова. Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело.

Фон-Визин. — «Недоросль».

Почтенная мамаша небызвестного Митрофанушки была права. К чему недорослю география? Другое дело извозчики. Они и сами ездят и других возят. География внедряется в них сама собой. А корреспондент газетный — тот же извозчик. Съезди, да еще читателя свежи. Заставь его поверить, что он сейчас не в трамвае от «25-го Октября» до «3-го Июля» катается, а что лежит он на третьей (багажной) полке жесткого вагона, уносящего его из Москвы в Свердловск, что слушает, свесив вниз голову, разные эс-эс-эс-эровские разговоры: о производстве, об электрификации, о кооперации, о растратах, о беспризорных детях, о взятых «под надзор» инженерах и о прочих злободневностях всех мелькающих мимо окошка городов. Как тут не изучить географию, да еще и историю вдобавок?

Вот город Галич, на Галицком озере.

Был тут в давние времена судья Шемяка, и так он несправедливо судил, что пошла с тех пор поговорка: «Шемякин суд».

— И сейчас в Галиче судья есть в Губсуде, по фамилии Шемякин, — рассказывает мой сосед, чернобородый «лесной человек», возвращающийся из Москвы в родные вятские леса: — и тоже неправедный.

— Неправедный. Ему даже фамилию предложили переменить недавно. А то все так и говорили: «Шемякин суд». Ну, да он ни за что не хотел переменить.

— Пусть, — говорит, — того, старого Шемяку переменят, а я менять не желаю.

Наш вагон набит до отказа. Во-первых — курортные. Это рабочие, уральские и сибирские, возвращающиеся из санаторий, здравниц, домов отдыха. Из Кисловодска, из Ялты, из Алупки они бережно везут корзиночки с виноградом, густой бронзовый загар и твердое знание санитарно-гигиенических правил.

— Нельзя плевать на пол, гражданин.

— Мадам, для мусора есть корзина, а вы на пол бросаете.

— А еще интеллигентная!

— Товарищ проводник, морозу два градуса, — топить полагается. А то мы с 18 сразу на 2 переехали. Это негигиенично.

— Нет распоряжения топить, — огрызается проводник. — Прикажут, дрова дадут — затоплю.

— А ты волокиту не разводи. Вот выйдем на станцию, мы тебе дров наколем, а ты топи.

Это кологривские плотники вмешались в общий разговор. Их целая артель возвращается из Москвы с построек. Все народ веселый.

— Сколько лет дома сидели или по фронтам гонялись, а настоящего дела не было, — разглагольствует сухенький белобрысый хозяйственного вида человек. — А нынешний год уже работа во-всю пошла. Москву строить стали. Ну, мы с весны и отравились.

— А дома как же?

— Дома у нас мужики не остаются. Так испокон веков водится, — бабы всю крестьянскую работу делают: и пашут и сеют. Летом у нас во всем уезде, да и в соседних, ни одного мужика не найдете.

Эти — тоже изучают географию. Вся Россия у них в мешке с инструментом, что болтается за спиной. Каких только историй не рассказали мне о них соседи по вагону. Им, оказывается, везде почет и уважение: дом построить — не шутка. И даже многие в деревнях их побаиваются, потому что эти кологривские плотники — народ опасный.

Построили они женщине одной дом и ушли. А дом построили с секретом. Только 12 часов наступит, — все двери в доме настежь открываются. Женщина эта и попа приводила и в милицию жаловалась, — и все без толку. Чуть 12 — открываются двери по-всему дому. На следующий год снова пришла артель в село, и стала женщина просить плотников: что хотите возьмите, только двери исправьте. «И что же оказалось. Был в дверях волосок заложен, пружинка, и от этого волоска двери открывались. А заложил волосок мальчишка-подручный из мести за то, что хозяйка его не угостила, как следует».

Вот какие они бывают опасные люди — плотники.

«Опасные люди» между тем доехали до станции Мансурово и вышли.

Но лесные и дровяные разговоры продолжаются. Недаром за окошком вагона леса и леса. Огромного

роста, весь обросший черной бородой (вроде Карла Маркса), с очень белыми зубами и очень детской улыбкой, — вятский лесной человек делается центром внимания нашего купе. Даже курортные перестают заниматься собственной температурой и числом нагулянных за месяц фунтов и слушают его рассказы о лесных пожарах и лесных заботах.

— В нашей губернии половина площади под лесом. Вы вот глядите в окно и думаете: где стволы кончаются, там и земля. А это перегнутой. Земля только на одну сажень глубины начинается. Если здесь пожар подымется, он мчится быстрее лошади, 30 верст в час делает.

— Как же вы с пожарами боретесь?

— Тут одно только средство — отжигать пожар. Вырубам полосу лесу и поджигаем его, так чтобы встречный пожар образовался. Тут сразу поднимается страшный ветер, и оба огня встречаются. Но только не всегда успеваешь достаточную полосу вырубить. Я раз так попался. Пришлось в речку броситься и ползком по воде выбраться. Если бы не река, сгорел бы. Платье все истлело на мне, волосы, брови.

Но этот вятский Майн-Рид — современник наш, и интересы у него современные.

— Ищем мы теперь сосну 150-летнюю для аэропланов, для пропеллеров. За каждую сосну 200 рублей нам дают. Идет она за границу.

— Что ж, выгодно это?

— Было бы выгодно, если бы не браковали зря. Найдешь 150-летнюю, отправишь, — а она рыхлая — не годится.

— Вот я специально в Москву ездил, говорил там. Дело не в возрасте, а в плотности. Разрешите столетнюю набирать, а за качество я ручаюсь. Не соглашаются спецы. А дали бы мне с иностранцами поговорить, мы бы, наверное, столковались.

Вот и Вятка. Вокзал. Просиял сквозь заплаканные стекла вагона освещенный ларек с нарядными игрушками. Это изделия вятских кустарей.

Нет, положительно география не только для извозчиков и газетных корреспондентов. Каждого «свежего» пассажира забрасывают вопросами. Только что успел устроиться в соседнем купе какой-то советский человек из Вятки, как ему уже учинили форменный допрос: что за город Вятка и чем замечателен? И кто же учинял допрос? Красноармейцы-отпускники. В соседнем купе они живут тесной компанией и ведут расширенный кружок по политграмоте. В члены кружка принимаются все пассажиры, без различия возраста и пола. Даже 9-летний Шурка (а Шурка этот самый младший из семьи переселенцев, едущей искать себе счастья в Ново-Сибирске) и тот примостился сбоку и слушает здесь доклады, крепко прижимая к себе толстого серого кота. Кот переселяется тоже. А предметы занятий самые разнообразные — одним словом «текущие дела».

В настоящую минуту все дружно извлекают сведения из «неразговорчивого вятича».

— Три спичечных фабрики у нас, — говорит он: — сейчас три, а было двенадцать.

— Что же, меньше спичек выпускаете? Бьют вас, наверно, южные фабрики?

— Ничего подобного, — оживляется вятич. — У нас три теперь столько производят, сколько двенадцать.

— Зато качество у вас никуда не годится, — возражает мой лесной человек: — Знаете пословицу: Спички шведские, головки советские, пять минут вонь, потом огонь!

— Может, это и было прежде, — говорит вятич сердито: — а теперь — испытайте пожалуйста. — Он

вынимает из кармана коробку спичек и отдает лесному человеку.

Спички трещат, спор разгорается.

Как видно, география, особенно промышленная, здорово стала задевать граждан СССР.

Чистые и нечистые

Подозрительного вида булки, старый петух, жареный на воде, пирожки, подогретые к приходу поезда на груди местной торговой и смекалистой бабы из «подзаборного буфета», — все это может погубить человека, заставить его прозевать звонки и кинуться впопыхах в первый попавшийся, медленно уходящий вагон.

Тогда происходит смешение «чистых» и «нечистых».

Существовало ли когда-нибудь постановление: «чистой публике садиться в головной вагон трамвая, а нечистой — в прицепку»? Должно-быть, то был устный закон, подкрепляемый пинком кондуктора и веским кулаком «фараона». Не оттого ли закон этот так крепко запомнился и бабе молочнице, и рабочему из-за Невской, и мещанину с Охты, и всякому приезжающему на заработки в столицу мелкому люду? Все они и на восьмой год Октября садятся в прицепку, соблюдая классовую разбивку трамвайных вагонов.

То же и в поездах. В нашем поезде есть жесткие вагоны, идущие на Свердловск, на Омск, на Иркутск. Все они одинаковы, и купе в них одинаковые, но пассажиры строго соблюдают естественный отбор: по платью, по виду багажа, по социальному

положению. Я убедилась в этом лишней раз, когда, отстав по «продовольственным причинам» от своего насиженного купе, где красноармейцы вели урок политграмоты, попала в «чужой», случайный вагон.

Здесь исключительно «высшее» общество: два инженера из московской строительной конторы, строящие рабочий поселок на каком-то заводе по линии (на Урале теперь везде идет горячая стройка), девица с толстой мамашей, «пишмаша» из Свердловска, или, по-нашему, совбарышня, спекулянт из Читы с супругой (с курорта), спекулянт попроще из Кустаная (ездил в Москву за шапками), красный директор бумажной фабрики (в центр за кредитами).

Дама из Читы описывает превосходное качество контрабандных ликеров, шелковых чулок и пудры «Коти». Инженер флиртует с совбарышней. Спекулянты, поговорив о шапках и борной кислоте, внимательно слушают, как второй инженер обхаживает мамашу.

— Теперь уже, слава богу, власть обратила на нас внимание. Специалистам можно жить стало. Теперь я и жениться могу. У меня и на жену хватит. И на котиковое пальто для жены.

— А вы что, получили уже по новым ставкам? — интересуется мамаша.

— Еще не получили, но в этом месяце должны получить. Вполне прилично.

— Все равно воровать будут! — мрачно вмешивается красный директор.

— Почему вы так думаете? — обижается инженер.

— А вы почитайте газету. Что ни день, то процесс (это говорит директор).

— Да, — вздыхает мамаша. — Инженеров много судят теперь. Вот я читала, в Одессе был процесс.

— Это процесс Шахрая? Я его лично знал. Хороший инженер. Зарвался. Ну, что же? Кто нынче

не судился? Дадут условно или дадут на срок, а потом сбавят половину, а там и амнистия. Я сам судился.

— А вы за что?

— Дом обвалился. Я не виноват. Я сказал прокурору: всю ответственность за обвал я возлагаю на государство. Пусть государственные учреждения не поставляют такой цемент, который не держит. Я представил пробу. Меня оправдали.

— Напрасно! — говорит директор.

— Ничего подобного, — спокойно отвечает инженер. — Я был прав. Жить и работать можно. Только не надо делать гадостей советской власти.

На этой формуле я перестаю подслушивать: не писать же, в самом деле, о том, как в Кустанае торговцы провоцируют башкиров на кражу шапок из магазинов, чтобы за украденную и обнаруженную шапку получить тройную цену. И так уже в этих впечатлениях нет ничего специфически уральского.

Да существует ли Урал? Я иду за окном, когда же начнутся горы. Их нет ни вблизи ни вдали. Поезд мчится теперь мимо волнистых пологих холмов, изредка поросших елью, мимо плоскобегих холодных речек, подолгу стоит на разъездах, ожидая встречного (здесь только одна колея железнодорожного пути).

Проезжаем красавицу черную Каму. Пермь II. Я возвращаюсь к себе в вагон.

Его назначение — только Свердловск. В нем нет мест для лежания, если не считать верхней багажной полки. Он битком набит красноармейцами, переселенцами из Ростова, всякой трудовой публикой, едущей на заработки в Свердловск и окрестности, в места, где нет безработицы и нет квартир.

Слышно, расширяют, восстанавливают, пускают в ход заводы по всему Уралу. Везде нужны квалифи-

цированные рабочие, но страшно... негде жить. А в самом Свердловске строится громадная электростанция, водопровод, дома для рабочих. И тоже — жить негде.

Валяются на вокзале, строят землянки из дерна, ходят пешком на работу за 8—10 верст.

Кто-то из соседей читает вслух старый номер «Уральского Рабочего».

«Уральский Рабочий» — свердловская газета, областная орган. «Требуется: машинистка — 1, квартиры нет; конюшатников — 15, при готовой квартире; плотников — 30, квартир нет; плотников — 80; землекопов — 300; каменщиков — 70; чернорабочих — 70, готовые квартиры; механиков — 3, квартир нет; техник-строитель, квартир нет; ветерин. врач — 1, ветерин. фельдшер — 1, грузчиков — 25, квартир нет; токарей — 5, слесарей — 6, инструктор-жестянщик — 1, каменщиков — 7, бойщиков щебня — 6, модельщиков — 1. Кроме того: фотографы, ретушеры, преподаватели, наборщики, печатники, резчики, линовальщики. Квартир нет».

Слушатели тяжело вздыхают.

— Нечего и ездить, — говорит белокурый курносый рязанец в трепаной защитной шинели.

— Может и найдется, — возражает другой, пожилой, кривоглазый. — Что рабочему человеку квартира? Было бы тепло да где спать.

Вот уже вторая формула за сегодняшний день: «Было бы тепло да где спать».

Станция Кунгур. Наконец-то начинаются горы. Но Уральские горы здесь, на Пермской железной дороге, ничем не поражают взгляда. Конечно, не может быть сомнения в том, что это — горы, и честные горы, но глядишь на них и думаешь: «А Токсово, пожалуй, гористее».

Виною этому общая ширь пейзажа, отлогие переходы в долины. Подъем и перевал через хребет совершаются так незаметно, что вы ни на минуту не имеете перед собой горной панорамы. Оттого-то и построена здесь дорога, оттого-то и проходил по этим местам старый Сибирский тракт (мы пересекаем его). Из всех перевалов через «Каменный Пояс» этот наиболее удобный.

Зато как красивы здесь долины извилистых рек, последних европейских рек, — Ирени, Сылвы, скалистые берега Чусовой! Все они бегут нам навстречу, с горного хребта. По ту сторону этого незаметного подъема уже начнутся азиатские реки, которые побегут за нами до самого Свердловска. А Свердловск, или, — как сказано в старом справочнике, — Екатеринбург, стоит на азиатской реке Исети.

По Чусовой плыл когда-то Ермак с товарищами, направляясь в Сибирь. Из притока Чусовой, Серебрянки они волоком протащили лодки за три версты, до первой азиатской речонки. Об этом поется в старой песне:

По Серебряной пошли,
До Журавлика дошли,
Баранче-реке обрадовались.

Чусовая, Баранча, Тагал, Тура, Иртыш — вот дорога Ермака. Чусовая — приток Камы, Иртыш — приток Оби, вот маршрут будущего великого водного пути из Европы в Азию.

А пока-что, наш поезд несется по глухим, безлюдным горкам и дремучим раскольничьим лесам. Неожиданно, из-за поворота, вдруг выглянет красный корпус завода, высоченные заводские трубы и низкие домишки рабочего поселка. От Перми мы проехали их не менее 17-ти, действующих, ремонтируемых или еще бездействующих.

Вот, наконец, ослепительные огни последнего такого поселка. Это Хромпик, химический завод Урала, где сейчас идет усиленная стройка. Только о заводах и говорят в поезде — о заводах, постройке, ремонте, — и уральцы отличаются тем, что производят не ремонт, а ремонт, не постройка, а постройка.

Во всех вагонах поезда, в «чистых» и «нечистых», тема для разговора одна:

Завод. Ремонт. Пбстройка.

Свердловск — столица Урала.

Что поражает в Свердловске — это смесь XVII века с XX. Вы идете по улице: навстречу вам мчится новешенький желтый автобус; но за автобусом, верхом на бочке, едет водовоз; за ним по всей улице тянется водяной след. Автобус останавливается у столба с надписью «остановка». Там же останавливается и водовоз, зачерпывает из бочки воду черпаком и продает желающим. А желающие — все население города: водопровода в Свердловске нет. Водопровод строится, и надо отдать справедливость и городу и строителям, строится с необычайной быстротой. В июне началась постройка. В октябре, когда я осматривала работы, почти все было готово. «К Октябрьским торжествам Верх-Исетский завод будет снабжен водой, — сказали мне в водокomiteте. — Только бы температура держалась не ниже нуля, чтобы можно было закончить земляные работы».

Но температура в Свердловске держится еще выше нуля. И лучшее доказательство этому жидкая, липкая грязь на улицах. Увы! Улицы вымощены только в самой середине. Между мостовой и панелью лежат

болотистые обочины, в которых вы рискуете оставить галоши и сапоги, а, если эти последние у вас (туго снимаются, то и собственные ноги.

Вы возвращаетесь из театра. В Свердловске прекрасный театр, выстроенный по всем правилам театральной техники. В этом здании хорошая опера, и даже заведены абонементы и широко распространяются среди рабочих организаций. Свердловская опера популярна на заводах.

Но вы возвращаетесь из театра, липнете в черной грязи на неосвещенных улицах, и, если на вас нападёт кто-нибудь из местных бандитов, праздноющих медовый месяц русской горькой, вы напрасно будете звать милиционера, — по ночам их нет. По ночам вместо них ходят ночные сторожа и бьют молотком по чугунному билу, чтобы все граждане города, в том числе и бандиты, знали точно, где именно находятся сторожа, — и поступали бы соответственно.

Но в Свердловске строится могучая электрическая станция, и, когда она будет готова, перейдут на электрическую энергию все дома и улицы, все заводы и селения, радиусом в 25 верст. Существующая же электрическая станция «Луч» должна поочередно выключать один городской район, чтобы в остальных районах можно было освещать важнейшие учреждения и «старых» абонентов.

В Свердловске существует завод «Сталькан», который производит стальные канаты и троссы. Он блестяще оборудован новейшими техническими приспособлениями.

В Свердловске существует Аффинажный завод, где 40% работающих высококвалифицированные специалисты — химики и инженеры. На этот завод поступает уральская платина, а уральская платина составляет девять десятых всей мировой добычи платины. Здесь-то высоко-научным и высоко-секретным

способом извлекают драгоценные металлы, сопутствующие платине: осмий, придий, вольфрам. И автор этого способа — европейская знаменитость, химик Барабоскин, о котором ни я, ни вы никогда, наверное, и не слышали, — состоит главным работником этого завода. А между тем иностранцы (так мне рассказывали на заводе) предлагали профессору Барабоскину громадные деньги за его секрет. Профессор отказался, так как он русский и уралец и к тому же анархист по убеждениям. Недаром во время борьбы с Колчаком он сам предложил свои услуги славному красному партизанскому отряду Петра Жебенева. И товарищ Жебенов согласился принять профессора химии в отряд и, по зрелом размышлении, назначил его казначеем отряда, каковую должность профессор и нес до того дня, когда Колчак полетел вверх тормашками. После этого дня и до настоящего времени профессор работает по специальности в условиях, которые, быть может, показались бы тяжелыми его европейским коллегам.

Такова техника и квалификация Аффинажного завода.

Но в том же Свердловске и на той же улице вы найдете фабрику, где техника производства осталась без изменения с 1745 года. Это гранильная фабрика. О ней я хочу рассказать подробно. Сейчас скажу только, что она движет себя простым водяным колесом и зависит от уровня воды в пруде, подобно простой водяной мельнице.

На этой фабрике гранят уральские камушки — яшму, орлец, малахит.

Это и есть знаменитые уральские самоцветы.

Не подумайте, дорогой читатель, что Свердловск весь засыпан самоцветами. Их здесь, к сожалению, немного, так как кустари теперь почти не работают,

а вся продукция гранильной фабрики поступает в магазин этой же фабрики. Есть еще ювелирный магазин на б. Покровском проспекте да ларек на вокзале. Зато на любой из центральных улиц, подозрительные личности в шапках-ушанках предложат вам «настоящий изумруд», золотой песок, бриллиант и даже шопотом намекают на платину. Не поддавайтесь на обман. Вы получите песок, но не золотой, а желтый — «желтик», стеклышки, «припой», т. е. медный сплав. Каждый день представители свободной воровской профессии надувают таким образом излишне жадных и невежественных приезжих. А приезжих здесь много, — на воров хватает.

Свердловск — областной центр громадной области. Область эта занимает пространство в 1 450 тыс. квадратных верст и составляет, примерно, 8% всей территории СССР. В теперешних своих границах область сложилась при административно-хозяйственном районировании в 1923 году из бывших губерний — Пермской, Екатеринбургской, Тюменской и Челябинской. Населения в области 6¹/₂ миллионов.

Вот официальные сведения о Свердловске, а неофициальные впечатления таковы, что город буквально гремит от количества трестов, учреждений, комитетов, представительств и контор, от людей, приезжающих из Москвы или Сибири.

Не знаю, какое впечатление производит Свердловск на приезжающих из Сибири. Но если вы приехали из Ленинграда, Москвы, Киева, Одессы, Тифлиса, — вам покажется, что вы попали в большую деревню.

Здесь много деревянных «срубленных» домов — вернее, изб, много заборов и частоколов, много небольших двухэтажных домиков на каменных фундаментах. Редко попадаются дома бывших богачей, типичные помещицы или купеческие дома — с колон-

нами, аркадами, «мавританскими украшениями». Таков зеленый, травяного цвета дом с башней на главном, ныне Ленинском проспекте, где помещаются профсоюзы.

По середине Ленинского проспекта красуются два собора — Екатерининский и Кафедральный, а между ними, как дань двадцатому веку, стоит памятник, изображающий голого, сутулого и вислозадного юношу. Надписи на памятнике нет никакой, а знающие люди объяснили мне, что этот памятник поставлен «Юному Борцу». Извозчики называют его просто «голым», и надо сознаться, что в ненастный октябрьский денечек этот «голый» производит крайне жалкое впечатление.

Памятник «Кузнецу Мира» или «Кузнецу Вселенной», на том же Ленинском проспекте может сравниться по безобразию выполнения только с отрезанной головой Карла Маркса в ермолке, выставленной на постаменте вроде позорного столба против знаменитого Ипатьевского дома. Памятники в Свердловске неудачные. Зато попадаются неплохие чугунные доски с барельефами: например, доски с изображением уральских героев — Вайнера, Малышева и др.

Эти черные доски на углах улиц напоминают о чугуно-литейных заводах Урала, о том, что сам Свердловск не более, как поселок при всех этих заводах. Правда, он областной центр, но когда походишь по всем его учреждениям, конторам, трестам, начинаешь чувствовать, что все это носит только служебный характер. Настоящая сила не в городе, а в сотнях заводов, разбросанных по всему Уралу, в рудниках, где добывают медь, железо, золото, в солеварнях, где выкачивают из земли соль, в мартэнах, домнах, ватер-жакетах, в лесах, где несколько десятков тысяч людей пережигают дрова на уголь, в тех 379 000 членов

профсоюзов, которые были зарегистрированы зеленым «мавританским» домом на 1925 — 26 год.

А Свердловск только исполнитель и посредник.

В этом отношении здесь, разумеется, не XVII, а XX век. Управление знаменитого «горного начальника», бывшего единственной военной и гражданской властью на Урале, окончилось.

В доме бывшего горного начальника, на набережной городского пруда, помещается областной комитет ВКП, а во всех трестах, учреждениях и конторах сидят бывшие слесаря, механики, забойщики, мастера «огневого цеха» и просто чернорабочие. Они изо всех сил стараются сдать XVII век в архив. Скоро воспоминание о нем останется только в Музее УОЛЕ — Уральского Общества Любителей Естествознания, в историческом кабинете коммунистического университета, что занял харитоновский дом, да еще разве в Истпарте, на чердачной вышке того самого дома, где жил «горный начальник».

Три дома и гражданка История.

После географии — история. В этом городе история ночевала во многих домах.

Есть дом в Свердловске, которым интересуются приезжие и о котором свердловские жители говорить не любят.

— Дом, как дом, и комнаты, как комнаты. Ничего особенного!

Это дом, в котором была расстреляна семья Романовых — «Ипатьевский дом», как его называют в городе по имени бывшего владельца, инженера Ипатьева.

Если вы пойдете вверх по улице Либкнехта и подыметесь на самую гору, к обширной площади, где

между Вознесенской церковью и дворцом заводчика Харитонова стоит на мраморном постаменте белая отрубленная голова Карла Маркса, — вы увидите по левую руку верхний этаж ипатьевского дома. Нижний — подвальный — скрыт склоном горы. Он стоит особняком на косогоре. У его подножия раскинулся город.

Этот белый дом с лепными украшениями вроде тех, которые делаются на творожных пасхах, производит мрачное впечатление. Площадь пустынна. Деревянная полуразрушенная хибарка прилепилась к самым воротам. У заколоченной церкви и у головы Маркса одинаково заброшенный вид.

Подходя к дому, вы можете с легкостью настроиться на исторический лад, вспомнить Великую Французскую революцию, казнь Людовика и другие подходящие случаи.

Но, если вы, дорогой читатель, заглянете в подъезд исторического дома, то мрачные впечатления уступят место более бодрым и современным чувствам.

Гул молодых голосов донесется к вам с верхней площадки лестницы, из коротенького светлого коридора, из-за всех неплотно прикрытых дверей. Дом набит, начинен молодежью.

В первый раз я пришла в этот дом наудачу, ничего не зная об его новых жильцах.

«Экономический кабинет», — прочла я на одной из дверей.

Из экономического кабинета вышла тройка людей: девушка, румяная, стриженная, и двое парней. Один — типичный башкирин, коренастый, смугловатый, раскосый. Второй — высоченного роста, кудрявый, косая сажень в плечах.

— Что здесь помещается, товарищи?

— Коммунистический университет, — удивленно ответила девушка. — А вам что нужно, товарищ?

— Видите, я хотела бы посмотреть исторические комнаты, — сконфуженно сказала я. — Можно?

— Это где Романовых расстреляли? — Мы как раз там живем, — отозвался высокий парень. — Надо пройти вниз, в подвал. Но только сейчас лекция у меня, а то бы можно вам показать.

— Пусть пройдет к коменданту, — сказал башкирин, блеснув белыми зубами. — Он все сразу покажет.

— А разве там есть другие комнаты?

— Ну да, конечно. Прежде там две комнаты считались историческими. Так они и стояли закрытые. Ну, а когда в общежитии тесно стало, мы одну комнату и отвоевали. Теперь историческая только одна осталась. Она на запоре. Хватит и одной.

— Ликвидация жилищной нужды, — сказала девушка, хитро улыбаясь. И мы все засмеялись.

— Ну, а как вам там живется в подвале?

— Ничего. Только дело к зиме идет. Холодно. Просим перевести наверх, а туда пусть аудиторию поместят, — объяснил мне высокий парень.

— А наверху хорошее помещение?

— Вот посмотрите!

Он распахнул дверь. Прямо против нас оказалась залитая солнцем барская столовая. Потолок расписан, дубовые панели идут вдоль стен, с потолка на обеденный стол спускается красивая лампа. Но к обеденному столу придвинуты еще два, некрашенные, а за столами тесно, локоть к локтю сидят склонившись над книгами студенты. У «чтецов» сидевые рубашки или порыжелые куртки, рваные локти и сосредоточенно внимательные лица. Будущая интеллигенция рабоче-крестьянской страны.

— Наша читальня, — объясняют мне новые мои знакомые.

— У Николая тут столовая была. Он весь дом занимал.

— Товарищи, закрывайте дверь! — строгим шепотом приказывает нам ближайший к двери «чтец». Мы прикрываем дверь.

Не думайте, читатель, что я удовольствовалась созерцанием столовой-читальни.

Оттуда меня проводили в знаменитый харитоновский дом-дворец, который помещается против Ипатьевского, по ту сторону улицы Либкнехта.

Харитоновский дом. С этим именем связаны романы Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы», «Шальные деньги», — страшные воспоминания крепостного времени. Виноторговец и миллионер Расторгуев, золотопромышленник Харитонов, управляющий кыштымскими заводами убийца Зотов — все екатеринбургские мрачные имена. Даже Николай I и тот не вытерпел харитоновских и зотовских злодейств. За зверское обращение с крепостными рабочими своих кыштымских заводов им пришлось променять екатеринбургский дворец на ссылку в финляндский городок Кексгольм. В том же дворце, как рассказывают в городе, чеканили золотую монету и тайно молились старообрядческому богу.

В харитоновском дворце, в пышном, купеческом «ампирном» дворце с колоннами, куполами, балконами и портиками, где теперь тоже помещаются общежития и кабинеты Урало-Сибирского коммунистического университета имени Ленина, я разыскала товарища Зыкина, коменданта зданий. От товарища Зыкина я узнала, что дорога в исторические комнаты ипатьевского дома лежит через Истпарт.

— Мы раз показывали эти комнаты «каким-то», — сказал мне товарищ Зыкин: — а они взяли да напечатала за границей всякие гадости. Будто здесь людей на кусочки резали. Вот теперь без разрешения никого не пускаем.

Каюсь, я не поверила коменданту. И только, когда мне показали в Испарте книжку Роберта Вильтона, корреспондента лондонской газеты «Таймс», в переводе князя Волконского и в издании книжного магазина «Град Китеж» в Берлине, только тогда я поняла, что товарищ Зыкин был прав.

Если бы вы прочли эту книжку, читатель, вы узнали бы, что на стенах «исторической комнаты» были обнаружены тайные каббалистические знаки. Кроме того, на одной из стен было написано двустушие немецкого поэта Генриха Гейне. Вильтон и Волконский объяснили бы вам, что это двустушие из стихотворения «Пир Вальтасара», где говорится о том, что

... Вальтасар был в эту ночь
Своей же стражею казнен.

что это двустушие — важная улика. Оно доказывает участие немцев в расстреле Романовых. А немцы расстреляли Николая за то, что он не заключил с ними сепаратного мира.

А какие снимки вы могли бы увидеть в этой книге! Например: «Комната еврейских комиссаров в Перми; на столе лежат орудия пытки».

При ближайшем рассмотрении этот снимок является фотографией еврейской кухмистерской.

Замечательное учреждение — Свердловский Истпарт. И помещается он на самой вышке третьего знаменитого дома, бывшего дома горного начальника.

А «горный начальник» был главным начальником и хозяином казенных горных заводов, директором горного правления, командиром и инспектором трех линейных оренбургских батальонов, находившихся на заводах. Подчиненный министру финансов, он имел обширную военную власть; утверждение

городского головы зависело от него, все городское управление находилось под его непосредственным контролем, и даже назначение попов делалось местным архиереем по предварительном сношении с горным начальником.

Это — эпоха «горно-крепостного права». Последний горный начальник был убит рабочими в революцию. Прошло несколько лет, и на вышке белоколонного дома поселился Истпарт.

В большой светлой комнате и в полутемном чуланчике при ней — вот где свалено наследство гражданки Истории. Сама гражданка отправилась в путешествие, а к вещам своим приставила аккуратных книжных людей.

А наследство — вот оно:

Архивы жандармских управлений — екатеринбургского, ирбитского, шадринского, камышловского и верхотурского;

Архив пермского губернатора;

Судебные архивы;

Архивы екатеринбургской тюрьмы с фотографиями заключенных;

Партийные архивы;

Газетный архив;

Материал о Романовых;

Материалы о колчаковщине.

Седенький, аккуратный старичок — старый революционер-подпольщик — и мужеподобная техническая сотрудница — всего два человека приставлены ко всем сокровищам Истпарта. А денег им не дают, а колчаковские воззвания и протоколы заседаний военно-революционных комитетов свалены на полу, а фотографии выцветают, а приказы покрываются пылью.

Два человека работают целый день. Они устроили выставку по колчаковщине и по 25-летию партии, они готовят выставку по 1905 г., они собрали рома-

новские материалы и передали их для издания. Но что могут сделать два человека?

Если бы вы, читатель, попали в Свердловский Истпарт, вы рисковали бы остаться там в качестве третьего технического работника на все остальные дни вашей жизни.

И все-таки, несмотря на столь заманчивую перспективу, я взяла у заведующего Истпартом разрешение на осмотр ипатьевского дома и ушла на улицу.

Мимо городского пруда, мимо поплавка, где происходят местные ипатьевские кутежи, мимо ларьков с яблоками, мимо мавританского дома профсоюзов, мимо марширующих пионеров, мимо комклуба, мимо высокого дома в лесах, я вернулась в харитоновский дворец к товарищу Зыкину. Я представила ему мои бумаги на право осмотра «исторической комнаты».

На этот раз комендант сделал вид, что поверил мне. Проморозив меня на улице в течение получаса, он навел по телефону справки в Истпарте.

Внутренне я одобрила его поведение и сказала ему об этом. После этого мы стали друзьями. Он показал мне историческую подвальную комнату, запертую на крепкий железный засов.

Я увидела сводчатое окно и следы пуль на стене, и содранную штукатурку, и вырезанные половицы. Штукатурку и половицы увезли колчаковцы, — объяснил мне Зыкин. А пол они вымыли с мылом, а воду эту после мытья раздавали попам.

— Говорят, попов тут целая очередь стояла. Каждому хотелось воду заполучить.

— А это что? — спросила я, указывая на закоптелый потолок и круглую дыру в стене.

— «Буржуйка» стояла. Тут ведь после Колчака жили.

— А кто жил?

— Известно кто, — рабочие. Буржуи в таком подвале жить не станут, — угрюмо сказал комендант.

— А почему вы студентов сюда поселили? — вспомнила я про своих знакомцев.

— Это, которые в соседней комнате живут? Мы их переселим. Там у нас будет шахматный кружок.

Мы вышли из подвала. Мы шли по площади, разговаривали о разных житейских делах. Трудная работа у коменданта. А у корреспондента разъездного тоже неособенно легкая.

— Вот видите, — сказал мне на прощание Зыкин: — дом, как дом, и комната, как комната. Ничего особенного.

И, услышав традиционную фразу, я осмелилась попросить у коменданта мою бумажку из Истпарта, на память. Я ведь приезжий человек, и мне разрешается историческое любопытство.

— Вам для отчета? — спросил Зыкин. — Так мы вам, товарищ, справочку выдадим, что вы действительно комнату осматривали.

И я получила справку за подписью завхоза коммуниверситета.

Я бережно храню ее в моем собственном истпарте на память о том, что и я была в тех трех домах, где ночевала гражданка История.

Верх-Исетский завод.

Черные бревенчатые покосившиеся избы с резными крашеными ставнями, с резными наличниками у окон, с резными украшениями по карнизу кровли. Широленные правильно распланированные улицы: все продольные — Опалихи, все поперечные — Закутиловки. Двери закрыты наглухо. В маленькие темного стекла окошечки, кажется, едва проникает дневной свет. А людей на улице не видно, кроме тех часов, когда происходит «смена» на заводе,

да еще когда дети возвращаются из школы. Здесь гулять не полагается: если идешь, так иди за делом. А не то дюжина любопытных глаз выследит, да полдюжины ядовитых женских языков такую пустят про тебя «славу», что не поздоровится своевольной гуляльщице. Правда, есть и такие, что пренебрегают «разговором» и даже в клуб по вечерам ходят. Ну, да это уже «ответные» — комсомолки. А в большинстве этих черных древних домишек жизнь идет еще по старинке, по старой «кержадской» старообрядческой старинке, особенно жизнь женская.

В 1725 году по распоряжению Петра заложен был Верх-Исетский завод и поселок при нем; приписаны были к заводу крепостные крестьяне, которых переселили сюда из России целыми деревнями. А к крепостным этим рабочим стали прибавляться понемногу — то ссыльные, высылаемые на поселение, то бежавшие от преследования за веру раскольничьи семьи.

С 1726 года стоит завод и при нем поселок на «верхней плотине», на запруженной реке Исети, и, кажется, будто за эти 200 лет ничего не изменилось здесь.

Но если здания остались те же, если старый уклад жизни, как стойкий запах гнили еще живет в старых почерневших домишках, то на заводе жизнь идет по-новому.

Две с половиной тысячи рабочих работают сейчас на заводе «Красная Кровля». Так называется теперь старый Верх-Исетский завод.

Завод работает в три смены, а горячие или, как их здесь называют, «огневые» цеха — на пять смен.

Завод производит кровельное железо и загружен заказами. Будь рабочие руки, можно бы расширить производство втрое, — сказали мне в конторе завода. Но нет квалифицированных рабочих и нет квартир.

Контора помещается в старинном здании со сводчатыми полукруглыми окнами, с толстыми чуть ли не в сажень стенами, с коридорами, где может поместиться население целого города. Завком, коллектив, заводоуправление, бухгалтерия, касса — все находится в этом по-хозяйски построенном коридоре.

Отсюда секретарь завкома повел меня по заводу через насыпи, рельсы, штабеля чугунных болванок, мимо железнодорожных вагонов и мимо завалей железного хлама прямо в крупносортный цех.

Огненные ленты раскаленного железа змеились здесь по полу. Рабочие в широкополых шляпах вытягивали их клещами из-под грохочущих челюстей прокатных станков и, подпрыгивая, бежали рядом с ними.

Эти огненные ленты, разрезанные на квадратные куски, и представляют собой «крупный сорт» — начало кровельного железного листа!

Когда вы, читатель, платите своему домовладельцу за ремонт крыши, а он жалуется вам на дороговизну кровельного железа, вы и не подозреваете, через сколько рук должно пройти это самое кровельное железо, прежде чем оно доберется до вашей уважаемой крыши.

А я видела, как сотни людей трудились над выработкой этого железного листа.

По двору, где стояли громадные тела газогенераторов, тянувших свои трубы-отростки к заводским мартенам, мы дошли до шаткой железной лестницы без перил. Она вела к мартеновским печам. За ослепительно освещенными окошечками печей шипел раскаленный металл. Мостовой кран с машинистом в синих очках проплыл в воздухе мимо нас и припер нас к каким-то железным балкам. Блок с громадным крюком проворно забегал по перекладинам потолка и приподнял дверцу печи. Машинист вни-

мательно, как сторож в зоологическом саду перед клеткой крупного хищника, стал кормить Маргана несгораемым шкафом.

— Он ест все! — с восторгом сказал мне секретарь фабкома. — Вы видели железный хлам на дворе? Все это он съедает ежедневно.

Мы прошли по другую сторону печей, и я увидела, как ковш разливал пылающий металл по изложницам — полым каменным чуркам. В другом месте рабочие выколачивали из изложниц готовое литье, болванки.

— Часть мы готовим здесь, а часть получаем с других заводов, — объяснил мне мой спутник. — Вот эти-то болванки и пойдут в крупносортовый цех.

— А потом?

— Потом в листокатальный.

В листокатальном цехе раскаленные крупносортовые листы прокатывались между двумя валами и делались широкими и тонкими, как тесто под скалкой у хорошей хозяйки.

Громадное маховое колесо, ростом в двухэтажный дом, образовало здесь вращающийся фон для раскаленных печей и станков.

Все, что я видела дальше, должно-быть, немногим отличалось по технике от того, что происходило здесь сто лет назад.

Рабочие вручную нагружали раскаленные листы на тележку и также вручную катили ее, отворачиваясь от жары, в обколочный цех.

В обколочной те же черные потные люди в широкополых шляпах снова накаливают листы, обливают их из шланга холодной водой и обколачивают тяжеленным многопудовым молотом. Готовые листы обрезаются по краям гигантскими ножницами.

«Огневая работа»! Недаром так быстро изнашивается человек на этой работе. Недаром даже в «доб-

рое старое время» рабочий, прослуживший здесь беспорочно тридцать лет, получал пенсию. А знаете сколько? 84 копейки в год.

Каковы же заработки теперь?

Квалифицированные рабочие вырабатывают около 100 рублей в месяц. Цеховый мастер до 300 рублей. Неквалифицированный получает 30 — 40 р. Меньше всего заработок у чернорабочих-женщин. Кипятильщица у куба получает по второму разряду 14 рублей. 5 рублей она платит за квартиру. А у нее на руках ребенок. Правда, и цены здесь ниже наших.

Лучше всего живет коренным постоянным («заводским»). У них собственный домишко, покос, корова, козы. Тут даже и завод останавливается («на страду»), чтобы дать скосить сено.

Зато приезжим с квартирами приходится туго. 800 заявлений лежит в завкоме с просьбой предоставить хотя бы какой-нибудь угол в новых строящихся домах. Нынче построено несколько домов, и на будущий год предполагается усилить строительство, но всего этого мало: нужны радикальные меры, нужен иной масштаб построек.

— Вот и клуб необходимо нам новый построить, а то в нашем старом только 200 мест. Нехватает! Можно бы и кружки расширить и работу среди женщин увеличить. Все дело за помещением, — так говорит культкомиссия.

— А интерес к клубу среди рабочих есть?

— Интерес огромный ко всякой учебе, среди молодежи в особенности. Старики — те, правда, больше насчет самогона интересуются. Их так и зовут здесь «гамаюны» от слова «гамить».

— А что это значит?

— А то, что выпьют они на полтинник, а нагамят на десять рублей. Такой уже фасон держат.

— А молодежь не «гамит»?

— Нет, этого у нас нет. Сейчас очень театром увлекаются. Вот, например, в городскую оперу у нас многие абонемент взяли. А ведь туда версты четыре ходьбы! На рабфаке многие учатся.

Трежит старый поселок под натиском новой жизни. От завкома, от коллектива, от клуба прет в него новизна.

А городской совет тоже не дремлет. Строят электростанцию — в первую голову дать ток Верх-Исетскому поселку, осветить рабочие дома.

Строят водопровод — первое задание: водопровод для Верх-Исетского завода.

Пройдет еще несколько лет, начнется грандиозная жилищная стройка.

Держись тогда, старые бревенчатые избы и застарелый двухсотлетний дух.

Екатеринбургская грань

На Парижской Всемирной выставке 1900-го года одним из «гвоздей» русского отдела была выпуклая карта Франции, составленная из драгоценных камней.

Сработали эту карту рабочие Екатеринбургской императорской гранильной фабрики, и с тех пор у парижских ювелиров стала славиться «екатеринбургская грань».

Карта получила название «чудо гранильного искусства», а фабрика удостоилась почетной награды на выставке и «царской милости» в виде заказов для «августейших особ».

Но, повидимому, верноподданические чувства не особенно процветали на фабрике. Фабрика была рассадником «крамолы», а когда, после Февральской революции, местные большевики стали собирать

деньги на основание собственной газеты, рабочие «с гранильной» первые отозвались на сбор.

За одну неделю собрали около 15 тысяч рублей, но этого было мало для создания собственной типографии. Тогда партия выпустила «заемные письма» — настоящие долговые обязательства, за подписью двух лиц — гг. Сосновского и Крестинского.

Сотни рабочих одолжили тогда партии свои гроши, и, когда сумма сбора дошла до 30 тысяч рублей, типография была куплена.

Такова история основания «Уральского Рабочего», и таково прошлое гранильной фабрики.

Передо мною лежит любопытный документ, который я привожу с сохранением правописания:

З а я в л е н и е.

15 июля 1925 года.

Редактору газеты «Уральский Рабочий».

В 1917 году на основание «Уральского Рабочего» — я дал комитету партии большевиков займа 10 рублей. Теперь газета на твердых ногах, поэтому прошу означенные 10 рублей мне возвратить.

Г. Полюмов.

Это заявление писал Григорий Полюмов, рабочий гранильной фабрики. Он получил свои деньги обратно. Я видела в конторе «Уральского Рабочего» его собственную расписку. Он неплохо поместил свои сбережения.

Что случилось с фабрикой за время гражданской войны?

Людам было не до драгоценностей, и рабочие гранильной фабрики разлетелись в разные стороны — кто на фронт, кто за хлебом. Но небольшое ядро человек в 15 продолжало работать. Теперь фабрика

снова расширяется. На ней уже работает 95 человек. Мало осталось старых квалифицированных мастеров, знающих все тонкости ремесла. Их сменила у станков зеленая молодежь.

Комсомолы и комсомолки, ученики фабзавуча, под руководством старых рабочих стараются приспособить свои еще неловкие пальцы к «дисковой пиле» и «жерловке», стараются постигнуть все секреты шлифовки и полировки.

В старинных просторных и низких мастерских, где под полом ходит большое водяное колесо, вы увидите исключительно молодые лица.

Они работают неплохо. Некоторые обещают «сделаться хорошими специалистами», — так объяснил мне мастер Татануров, старый гранильщик, проработавший на фабрике 30 лет, на обязанности которого лежит теперь приемка работы.

Розовый орлец, зеленый малахит, узористая яшма, только-что получившие форму и блеск, — все проходят через его стол за стеклянной загородкой, а он пробует каждый камень на-глаз и на-ощупь.

Забракованные возвращаются на фабрику; принятые идут в магазин, где быстро раскупаются.

Изделия недороги: 1—2 рубля стоит обточенный камень для броши; 50—75 коп. — для кольца, запонок, булавок.

Фабрика производит главным образом такие недорогие изделия широкого сбыта. Драгоценных камней гранят еще мало, потому что на них невелик спрос. Зато хорошо идут мраморные ступки да пятиугольные значки, красные звездочки из сплавленных рубинов с молотом и серпом. Да еще школы заказывают коллекции уральских минералов.

Зарботки на гранильной фабрике невысокие. 70 рублей выгоняет самый квалифицированный мастер. 30 рублей получает ученик.

Работать на постройке или на торфяниках выгоднее, чем гранить драгоценные камни и шлифовать самоцветы.

Гранильщикам живется немногим лучше, чем лирическим поэтам. У них лишь то преимущество, что они считаются не лицами свободных профессий, а членами союза горняков.

Но Свердловская гранильная фабрика гордится «екатеринбургской гранью», как лирический поэт гордится техникой непринятого в печать стихотворения.

Специалисты поймут и оценят обоих: гранильщика и поэта.

На водоканале.

Ветер бьет по лицу мокрым снегом, полузамерзшая грязь, взлетая из-под колес двуколки, хлещет по плечам. Легкую «плетушку» качает на ухабах, как на волнах, но в другом экипаже здесь и не проехать — таковы уральские дороги в октябре.

Вместе с инженером Орковским (назовем его так), мы едем осматривать постройку свердловского водопровода, или, как здесь говорят, «водоканала». Сквозь качку, боковую и килевую, мелькают пустынные улицы Верх-Исетского завода с развороченными недрами. Орковский ежеминутно соскакивает с плетушки и мчится на какой-нибудь «участок фронта» к зияющей канаве, где копошатся по колено в воде рабочие. Здесь его «фронт»: он производитель работ по водопроводной сети, и занятие его заключается в том, чтобы с 6 утра и до 6 вечера инструктировать, объяснять, настаивать, исправлять ошибки, лазать по канавам, увещать, ругать лень-матушку, вырывать

зубами деньги для уплаты по ведомостям, цепляться с начальством, цепляться с лодырями, думать обо всех мелочах и обо всем главном, — словом, проделывать все то, что полагается инженеру-хозяйственнику в нашу эпоху великаго строительства.

У Жюль Верна в «Путешествии капитана Гаттерраса» рассказывается, что в экспедицию к Северному полюсу брали только сангвиников. У Орковского темперамент вполне подходящий к уральскому климату. А по происхождению он поляк, бывший революционер — эмигрант. Когда началась революция, бросил службу за границей и приехал сюда.

Пока он пропадает в недрах «водоканала», я рассматриваю рабочих.

Кого только нет среди них. Башкиры, татары... Есть заключенные из местной тюрьмы, работающие под конвоем, есть типичные кандидаты в ту же тюрьму. Девчонки из окрестных деревень. «Водоканал» мобилизовал всех, кого можно было, чтобы выполнить работу в срок.

Мы едем сейчас вдоль главной магистрали, по которой питьевая вода из буровых скважин Большого Конного полуострова пойдет в город. Земляные работы почти закончены, идет прокладка водопроводных труб. Их пробуют тут же, отрез за отрезом, при помощи гидравлического пресса. Увы, — скажу вам по секрету, дорогие читатели, — эти трубы ленинградского происхождения, и они любят лопаться. — «Ужасный материал!» — говорит Орковский. Но если трубы ленинградские, то вода в канавах своя, свердловская, и с этой водой чистое мучение. Не думайте, что это та самая питьевая вода, которая будет поить город. Нет! Та вода пойдет из буровых скважин, а эта вода просто почвенная или ключевая вода, самовольно заливающая каналы. Недаром в этой части

поселка все улицы называются «Ключевские». Ключи бьют из земли на каждом шагу, и всю работу приходится делать в ледяной воде. За «Ключевскими» начинаются торфяные болота.

— Посмотрите, как работают наши дивчата!

Товарищ инженер снова соскакивает и, перемахнув через три глубоких рва, залитых желтой водой, мчит к ручному насосу. Человек восемь дивчат в платочках, в зипунах, с обветренными лицами качаются вверх и вниз, ухватившись за железную рукоять насоса.

Дивчата встречают инженера визгом и криком. Они требуют повышения расценок с 80 копеек до рубля: «Подумайте, какая погода!».

— Хорошо, хорошо. Я похлопочу, — говорит Орковский. — Только не прекращайте работу. А то ударит мороз — беда будет, ничего не успеем!

— Дивчата сговорчивы. Погода их не запугает.

Вот, наконец, и Конный полуостров. Год тому назад здесь был глухой лес. Кони паслись на полуострове испокон веку, оттого он и получил свое название. А людей здесь не водилось. Зато была отличная охота.

С июля месяца Конный полуостров ожил. Уже пробиты две эксплуатационные буровые скважины. И еще семь в работе. Бурят гранит при помощи алмазных буровых станков. Делается это так: маленькие алмазы надеты на края круглой полой коронки. Коронка обсерлирует в камне круглую гранитную колонну, которая затем вынимается. Из получившегося гранитного колодца с громадной силой бьет вверх вода. Чтобы дойти до воды, нужно выдолбить от 30 до 50 сажен в глубину. Работа идет здесь в 3 смены и не останавливается ни на одну минуту. У каждого станка под наскоро сколоченным временным навесом сидит «мастер алмазного бурения» и с ним его под-

ручный. Мастера здесь — драгоценные спецы. Подумайте только, мастер бурит вслепую, на глубине 30 — 40 саженей. Одно неловкое движение, и сломана коронка, а это значит — пропала и вся работа. Сломать коронку, испортить алмаз — у настоящего мастера этого не может случиться. Осязание заменяет ему зрение. Рука удлинится у него на 30 саженей в глубь земли, и он чувствует малейший наскок, малейшее препятствие.

Отсюда, от буровых сважин, вода пойдет в город и по особому ответвлению на водонапорную башню, где будет регулироваться ее подача городу.

На башне тоже происходит спешная работа. В мокрую осеннюю вьюгу, когда и по земле ступать неприятно, кровельщики, с трудом удерживаясь на высоте 10 этажей, настилают крышу башни. Котельщики срочно кончают клепку бака-резервуара, вмещающего 60 000 ведер воды.

— А между баком и крышей будет музей города и зал для лекций, — похвастал Орковский, когда мы спускались вниз по шатким лесам.

— Надеюсь, что в музей будет более доступный ход, чем сейчас, — заметила я.

Отсюда мы едем в контору строительства. Здесь восемь барачков, специально построенных для рабочих водоканала. И еще бараки предполагаются к постройке. На площади перед конторой лежит прекрасный строевой лес.

Но что случилось? Орковский прыгивает с плетушки и бежит через все лужи к бревнам, а с бревен пускаются наутек в противоположную сторону четверо каких-то парней. Парни исчезают за барачком, Орковский мчится за ними. На шум из конторы строительства выбегают канцелярист и баба-

уборщица. Но метель загоняет всех обратно в контору.

— В чем дело?

— Дров не дают, — говорит баба. — Ну, ребята бревна малость попилили. Не сидеть же в холоду.

Через пять минут Орковский возвращается, нагруженный тремя пилами, отобранными у пильщиков.

— Пилить на дрова строевой лес! Идиоты, — ругается он. — Марфуша, спрячь пилы и не отдавай.

— Хорошо, товарищ инженер.

Марфуша прячет пилы, а контора наполняется людьми. Ведомости. Расценки. Галдеж.

— Уже пять часов. Скоро кончу и отвезу вас в город. Подождите.

Я терпеливо жду. Здесь во всяком случае суше, чем на улице.

Шесть часов. Мы выходим на крыльцо и садимся в плетушку. Нас снова начинает качать.

Так идет работа «на водоканале». Через несколько десятков лет будущий «Покровский» в учебнике истории сумеет описать, как строился свердловский водопровод.

«200 лет стоял Екатеринбург, и екатеринбургские жители пили воду из реки Исети. Продавали им воду водовозы по 3 копейки за ведро.

«Два года стоял на месте Екатеринбурга Свердловск, и свердловские рабочие не захотели пить гнилой воды. И Свердловский совет постановил: срочно, к Октябрьской годовщине 1925 года провести водопровод и в первую голову снабдить водой поселок Верх-Исетского завода. И к началу октября было проложено около 12 верст водопроводной сети, почти закончена постройка водонапорной башни, пробиты 2 буровые скважины. Рабочие и технический персонал работали с необычайным рвением».

Эта качка навела меня на исторические темы. И вдруг качка прекращается. Кто-то догоняет нас, что есть сил. И кто-то кричит сквозь ветер и снег прямо в ухо.

— Товарищ инженер, на Ключевской трубу разворотило!

Орковский спрыгивает с плетушки.

— Поезжайте одни, — говорит он мне: — я вернусь обратно. — И бежит за рабочим к «водоканалу».

Чехо-словаки в Свердловске

Два объявления записаны в моей записной книжке. Первое списано мной со стены мавританского «Дома профсоюзов» в Свердловске.

ВСТРЕЧА

ЧЕХО-СЛОВАЦКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Ко всем рабочим и служащим Свердловска.

18-го октября, в 9^{1/2} час. утра, на площади у вокзала, по случаю прибытия чехо-словацкой делегации, состоится Встречный митинг, на который приглашаются все рабочие и служащие города Свердловска в организованном союзном порядке.

19-го октября, в 6 час. вечера, в театре имени Луначарского состоится торжественное заседание президиума Уралпрофсовета совместно с профессиональными, партийными и советскими организациями.

Вход по билетам, которые будут разосланы фабрикам и заводам.

Второе объявление помечено маем 1918 года оно лежит сейчас в Свердловском истпарте.

Вот оно:

П Р И К А З РЕВОЛЮЦИОННОГО ШТАБА УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И Г. ЕКАТЕРИНБУРГА

№ 2.

В виду того, что чехо-словацкие банды заняли магистраль железной дороги Омск — Челябинск и вооруженной силой пытаются продвигаться вдоль линии, занимая телеграф и правительственные учреждения, объявляется мобилизация революционных сил во всех округах Уральской области, каковая должна быть проведена через местные совдены.

Подробности мобилизации и пункты сбора разъяснены циркулярными телеграммами совдепам.

Подписано: *Белобородов, Голощекин,
Апучин, Чучкаев, Уфимцев.*

Семь лет прошло с тех пор, как чехо-словацкие банды заняли Екатеринбург, открыв дорогу «Его империалистическому безобразию, Верховному мерзавцу всея Руси, старой обезьяне, адмиралу Колчаку», как называет Колчака одна из уральских прокламаций девятнадцатого года.

И вот, волею Революции, «старая обезьяна» отправлена к праотцам; Екатеринбург переименован в Свердловск, по имени Якова Свердлова, а чехо-словацкие рабочие прислали делегацию на Урал, чтобы посмотреть, как уральские рабочие справляются без хозяев.

Целых два дня новенькие автобусы свердловского горсовета бегали по самым неполюженным маршрутам и останавливались не на положенных местах остановок: они возили чехо-словацких гостей с фабрики на фабрику, из учреждения в учреждение, с Верх-

Исетского на Стальком, из детского дома на границьную, из ткацкой в Уралпрофсовет.

Когда автобусы останавливались, из них вылезали 10 здоровых плотных молодых в жеребковых куртках, в бейках, с желтенькими, иностранного вида, чемоданчиками. С ними одна женщина, тоже в жеребковой куртке, но с красным платочком на голове. С ними члены Уралпрофсовета, переводчики и всякие официальные советские лица.

При их проходе останавливались извозчики, и мальчишки сбегались толпой.

Много делегаций побывало в нынешнем году в СССР, и многие из них были и в Свердловске. Но к этой, чехословацкой, в первые дни установилось в городе особое отношение: полное любопытства, недоверия и иронии.

— Что-то уж больно свободно они по городу ходят. Не бывали ли здесь раньше?

— И очень возможно, что бывали, — нас же расстреливали.

— А куртки на них нашего производства! Откуда такие достаты?

— Так им, ведь, в Москве выдали для тепла.

Вечером 19 октября мы сидим в городском театре имени Луначарского. В зале пролетариат Свердловска в «организованном союзном порядке» — пиджаки, косоворотки, куртки, ситцевые платья и платочки. В ложах «генералитет советский» — такие же пиджаки, толстовки, гладкие прически женщин, взъерошенные гривы мужчин, пенсне и очки; все видные партийные и советские работники Свердловска. Правда, здесь нет уже тех, которые когда-то подписали приказ революционного штаба. Но из людей, находящихся в зале, многие испытали на себе «подвиги» чехословацкого генерала Гайды, многие с оружием в руках боролись против чехо-словаков.

Бывшие командующие революционных войск на Урале — Мрачковский, Дидковский, Сулимов, Клепацкий и другие — участники партизанских отрядов — все они сидят в зале и смотрят на сцену, где золотыми буквами по красному фону блестит непривычно для глаз слово *Nazdar* — что по-чешски значит: Привет.

Свердловские хозяева приветствуют чехо-словацких гостей.

Гости уже на сцене — десятеро крепко сколоченных, хорошо одетых парней и с ними женщина в черном платье и в красной косынке.

Им предоставлен отдельный ряд стульев, направо от президиума, и они сидят чинно, как хорошо воспитанные гости, лишь изредка перекидываясь словом. Только Дележаевой, худенькой бледной женщине в черном платье, видимо, не сидится. Она взволнованно слушает речи ораторов и то встает с места, то подсаживается к столу президиума и шепчется с полной, немолодой уже работницей.

— С кем это она разговаривает?

— Да это Былинина, наша делегатка с текстильной, — гордо поясняет моя соседка.

— Дележаева ведь тоже текстильщица. Она вчера была у нас на фабрике, и мы к ней Былинину и приставили. Они сразу и подружились.

— Как же они объясняются?

— Да Дележаева понимает по-русски. К тому же обе ткачихи. Ну, как не понять. А Былининой мы сказали в коллективе: «Былинина, ты ей мозги-то прочисти!».

— А как принимали делегацию на фабрике?

— Да не очень дружелюбно. Хорошо, что среди них женщина есть. Эта, уж наверное можно сказать, с нами не воевала.

Начинаются речи. Первыми говорят хозяева. Трудна роль президиума на этом заседании. Настроение зала — лед. Между залом и сценой тянутся обширные ледяные поля. Как взломать или растопить этот лед? Как провести через эти ледяные торросы маленькое суденышко взаимного понимания? Как пробудить чувство общей рабочей солидарности в недавних врагах?

Заведующий орготделом Уралпрофсовета Маневич, румяный и кудрявый здоровяк, типичный уралец, рассказывает о цели приезда делегации.

— Они сказали нам: «мы хотим посмотреть, как вы живете, но только без всяких прикрас».

«Мы ответили им: „товарищи дорогие, пожалуйста смотрите!“.

«Они говорили: „мы слышали, что коммунисты живут у вас шикарно, свезите нас на квартиру коммуниста“.

«Мы показали им квартиру коммуниста.

«Ну, вы знаете, товарищи, как „шикарно“ живут у нас коммунисты! (в зале смех).

«Потом они захотели поехать на квартиру к черно-рабочему. Мы показали им все, что они хотели видеть. И теперь у нас к ним одна просьба: пусть они расскажут о нас правду нашим товарищам, европейским рабочим. Пусть отметят все, что у нас есть дурного и хорошего».

Секретарь Обкома Румянцев произносит горячую речь о буржуазном белом терроре. Он предлагает собранию в знак международной рабочей солидарности принять совместно с чехо-словаками резолюцию протеста.

Зал аплодирует, но холодно. Зал еще настроен полувраждебно, зал еще не примирился. Нет примирения без упреков, а упреков еще не было.

Чехо-словацкие делегаты просят разрешения пообщаться — они-де еще не знают, могут ли принять подобную резолюцию.

И вот начинаются упреки: старик Третьяков, рабочий Верх-Исетского завода, приземистый и коренастый, бывший молотобоец, говорит по-простецки и рубит с плеча.

— Они нас хлестали в свое время, так пускай они нас проверят. Мы ничего не боимся. Если бы они увидели все как следует, они мигом свергнули бы свое правительство. Пусть они это сделают! (аплодисменты).

«Им будет трудно, но это ничего. Пусть терпят! Если они будут мужественны, то вытерпят, как вытерпели мы. Мы голодом сидели, а вывели человечество на хороший путь».

Один за другим выступают представители фабрик и заводов, партийные и беспартийные, и в их речах оживают призраки 19-го и 20-го годов: разрушенные деревни, голодающие семьи, беспризорные дети, рабочие — расстрелянные и брошенные в шахты, — затопленные рудники. Зал напряженно слушает, подчеркивая аплодисментами каждое едкое слово.

Чехо-словаки тоже слушают, изредка переговариваясь друг с другом. Понимают ли они и что понимают?

— Вы сеяли разрушение, — говорит представитель инженеров Лацкий: — но мы не злопамятны. Мы знаем, что чехо-словацкие войска были одурачены своими офицерами. А теперь мы встречаем в вас чехо-словацких рабочих, и мы хотим, чтобы вы знали, что мы все вместе, рабочие и интеллигенты СССР, строим нашу страну.

И вот, наконец, очередь гостям отвечать на приветствия.

Слово берет Кмент, председатель делегации, социал-демократ. У него мягкие движения и вкрадчивый голос; он говорит долго, но переводчик передает его слова не более одной минуты.

— Мы видели у вас многое, чего не увидишь у нас, — говорит он: — ясли и очаги, детские дома и дома отдыха. Этого у нас нет. Когда мы вернемся домой, мы расскажем об этом нашим товарищам. Nazdar Советской России!

За социал-демократом говорит коммунист; плотный энергичного вида юноша с красной звездочкой в петлице. У него ясная и отчетливая речь и жесты профессионального рабочего оратора.

— А вы содрузи... — говорит он и ударяет сжатым кулаком по воздуху, как будто сшибая с ног невидимого противника. И зал слушает и невольно откликается на это полупонятное слово «содрузи» — друзья.

Он говорит, что не хочет нам льстить, что не все у нас хорошо: что при наличии строительных материалов мы переживаем жилищный кризис, что у нас нет квалифицированных рабочих. Но он знает, сколько зла сделала нам империалистическая и гражданская война. Это знают и чехо-словацкие рабочие, и они хотят помочь нам, они добьются того, что помогут нам, во что бы то ни стало. Они помогут нам, потому что мы избрали правильный путь — диктатуру пролетариата, а не хозяйственное соглашение с буржуазией!

В зале лед тает. Этот человек с красной звездой, кажется, нашел правильные слова, и вот уже налаживается сообщение между двумя берегами — сценой и залом. В президиуме облегченно вздыхают.

Слово принадлежит делегатке Дележаевой.

Дележаеву встречают овацией. Она чрезвычайно волнуется и говорит быстро и захлебываясь.

— Не думайте, что нам легко было попасть к вам, в Советскую Россию. Наша буржуазия не хотела нас пускать. Многие из нас знают, что, по приезде домой, они потеряют работу. Но мы все-таки поехали. И мы поняли у вас, что буржуазия ни за что не отдаст

свои дворцы даром, а что их надо взять силой. Мы обещаем, когда мы вернемся домой, рассказать всю правду нашим товарищам.

Долгие овации. Лед окончательно взломан.

Еще выступают многие ораторы, но главное дело уже сделано. Сцена и зал объединились в одно. Резолюция о белом терроре принимается единогласно, и чехо-словацкая делегация голосует за нее полностью. И председатель заключает заседание:

— Итак, товарищи, чехо-словацкие делегаты обещают нам, что они у себя на родине расскажут все подробно о нашей советской жизни. А о нас пусть они, товарищи дорогие, не тревожатся. Мы не зеваем, дорогие товарищи. Дело — за вами!

Карабаш

Если Уркварт был не дурак. Получив достоверные сведения о том, что на территории Кыштымских чугуно-литейных заводов обнаружен медистый колчедан, он предложил владельцам заводов устроить акционерное общество для разработки меди. В то время (то был 1904 г.) чугуно-литейные заводы прозябали. Рынок был перегружен чугуном. Кыштымские заводы, оборудованные еще при крепостном праве, не выдерживали вольной конкуренции; владельцы заводов, захудалые потомки знаменитого екатеринбургского туза Расторгуева, не получали доходов. Они с радостью ухватились за предложение «английского капитала». Так возникло «Акционерное о-во Кыштымских заводов». Это была первая часть урквартской «операции».

Вторая часть переносит нас в Лондон. Акционерное о-во Кыштымских заводов выпустило акционеры — карабашские медные шеры, названные так

по имени Карабаша, черной меденосной горы, затерянной где-то в дикой России, на диком Урале, среди диких туземцев.

Шеры были недорогие, долларов по 5, мелкая приманка, рассчитанная на мелкую рыбешку — рабочих, ремесленников, на прачку, на извозчика, на хозяина бакалейной лавочки. Газеты пустили слух о карабашской меди, о необыкновенно богатой залежи меди, которая будет давать необыкновенную прибыль, и... рыбешка клюнула.

Шеры раскупили, но, когда три месяца не было известий о меди (Карабаш далеко!), когда через полгода прибылей еще не было, «кто-то» стал продавать карабашские за полцены. Началась паника. Рабочий, прачка, бакалейщик, спасая остатки своих сбережений, поспешно продали медные шеры за $\frac{1}{3}$ цены. На их счастье нашелся покупатель. «Кто-то» согласился дать хоть что-нибудь за клочки бумаги. И вдруг в газетах прошел «слух»: на Карабаше дела идут отлично; начались-де работы по оборудованию шахт и завода. Карабашские полезли в гору. Прачка, бакалейщик, извозчик стали раскупать карабашские. Карабашские были на вес золота в течение трех месяцев. Но через три месяца газеты сообщили, что вследствие забастовок в России работы в Карабаше остановлены. «Кто-то» стал сдавать карабашские за половину цены. Извозчик, бакалейщик, прачка исполнили свою роль в биржевой игре и... все началось сначала.

Повторив эту часть операции несколько раз, «кто-то» или, иначе говоря, Лесли Уркварт заработал на карабашских около восьми миллионов рублей. С таким капиталом можно было начать разработку меди. Уркварт вложил двести тысяч в акционерное о-во Кыштымских заводов и выстроил на эти деньги Карабашский медеплавильный завод и четыре

рудника. Все было сделано по последнему слову техники. В Кыштыме оборудовали электролитный завод для очистки черновой меди. От Кыштыма до Карабаша провели узкоколейку в 38 верст. Лесли Уркварт был делец, «башковитый тип», как говорили про него рабочие. Руда содержала 4% меди. Дела акционеров шли превосходно.

«В Сибири пальмы не растут», — сказал Всеволод Иванов, но он ошибся. На Урале, в урквартовских оранжереях росли бананы, апельсины и персики. Такова была третья часть «операции».

Я не буду подсчитывать остальных частей, потому что наступил 1917 год, а вместе с ним все, что последовало и что не входило в урквартовские планы.

Уркварт выехал. Карабаш пробовал работать без хозяина, но белые отрезали его от челябинского угля и Карабаш перешел на консервацию. Рабочие разбегались, копи залило водой, дома стали разваливаться, волки завелись под деревней.

Чуличкова, одна из делегатов Карабашского завода рассказывала мне о волчьих этих визитах:

— Один волк каждый вечер приходил к нам под окно. Серый такой, старый волчище. Придет засветло, сядет под окошко у сеней и воет. Дочка моя каждый вечер плакала: «Мама, волк хочет Розочку съесть». А Розочку-козу мы в сенях держали.

Так жили дикие туземцы на диком Урале. Но старый волк, Лесли Уркварт, не мог отказаться от карабашской козы, то бишь меди. Повыв под окошком для страха, он пошел на переговоры.

Все, кто читают газеты, помнят, как Уркварт предложил правительству СССР взять свои бывшие заводы в концессию. Кажется, это было одно из первых концессионных предложений, и о нем тогда много писали. Уркварт требовал субсидию в 18 мил-

лионов рублей для восстановления заводов и рудников. Но тут заговорили дикие туземцы с дикого Урала. Уральские рабочие заявили, что они не желают иметь хозяином высококультурного дельца. Уральский Облисполком представил смету на восстановление Карабаша силами уральских рабочих.

Далее за меня будет говорить документ — докладная записка, составленная техруком Карабашского комбината т. Антоновым.

«Правительство СССР 22 декабря 1924 года решило Карабашский завод с его рудниками восстановить собственными силами».

Смета, представленная Уралмедью в центр и в УОСНХ, предусматривала восстановительные работы вести в 1924—25 годах в размере пуска одной большой ватержакетной печи, одного конвертера и отлива и восстановление к добычным работам на двух рудниках. На всю работу требовалось средств 949 000 рублей.

10 января 1925 года, т.-е. спустя восемнадцать дней после решения правительства, начались уже восстановительные работы по заводу и рудникам. По расписанию завод должен был пущен через 5 месяцев после начала работ при наличии на месте всех необходимых материалов и дополнительного оборудования. Рудники же: Рыковский — через 9, а Гулинский через 7 месяцев. До пуска рудников завод использует запасы старых руд.

9 января 1925 года восстановительная комиссия из пяти человек приехала в Карабаш. Был мороз в 20 градусов. Узкоколейка и завод были погребены под снегом. Бананы и персики отсутствовали.

Спешно набрали крестьян с лопатами и на следующий день, в ударном порядке, приступили к очистке узкоколейки. Эта работа велась 4 дня, несмотря на сильный буран. 12-го заработала узкоко-

лейка; по ней подвезли инструменты для ремонта паровых котлов и пародинамо, нужно было пустить силовую станцию, пустить хотя бы один котел, чтобы осветить завод и дать энергию механической мастерской. В темном замороженном здании с выбитыми окнами, с покосившимися столбами, с заржавелыми машинами шла лихорадочная работа,

Слух о восстановлении Карабаша прошел по рабочему Уралу. Одни не верили, говорили: «Не может быть, Карабаш — развалина». Другие стали съезжаться в Карабаш, а кто приезжал, тот оставался работать. Тогда возник вопрос о квартирах. Дома были разбиты, разрушены. Срочно принялись за ремонт. Поднимали верх на домкратах и подводили новое основание. Строили бараки. Не было топлива. Не было смазочных материалов. Не было инструментов. Части машин, заказанные на разных заводах, не успели в срок. И несмотря на это работа велась с редким воодушевлением. «Своими силами, без Уркварта» — постановили карабашские рабочие 9 марта 1925 года. Дан наказ заводууправлению, чтобы выполнить работы в указанный срок. Работали по 10 и по 12 часов, да простит им охрана труда. — Один механик, — рассказывали мне в завкоме, — три дня работал над сломанным локотником у компрессора. Когда через три дня он вышел из завода, на нем лица не было. Устинов, директор завода, заболел от чрезмерного напряжения. У него был туберкулез во второй стадии, и он держался исключительно на впрыскиваниях мышьяка. «Хорошо работал парень», — сказали мне в завкоме.

Одновременно с заводом приступили к откачке рудников. Восстановили силовые установки на рудниках, продолбили в мерзлой земле канаву в 4¹/₂ версты от озера Серебры до Рыковского рудника. Вскрыли и ремонтировали подземные водопроводы, подводя-

шие воду к прочим рудникам. «Дикари» работали что было сил, чтобы обойтись баз Уркварта.

И вот результаты:

Сделан капитальный ремонт заводских зданий, эстакады, ватержакета, пылеуловительной камеры, мостового крана, водопроводов. Своими средствами сделана электропроводка для электровозов, — за не-прибытием заказанной. Уложено 36 000 шпал. Восстановлена телефонная связь с Кыштымом на 38 в. Несмотря на все препятствия, завод пущен 20 мая вместо 15 июня, т. -е. на 25 дней раньше срока. Рудники откачаны и пущены в ход. Гулинский рудник пущен 28 мая вместо 15 августа, т. -е. на 2½ месяца раньше срока. Выплавлено с мая по октябрь 45 000 пудов черновой меди. В настоящее время завод работает полным ходом. На нем 2½ тысячи рабочих да около 1 000 — на рудниках.

Лесли Уркварт был не дурак, но просчитался.

Чуличкова и Чепурковская

Я хочу рассказать о двух женщинах Карабашского завода.

Когда техрук Антонов показывал мне завод, — в машинном отделении, у распределительного щита, я заметила высокую прямую женскую фигуру в суровом халате. На галлерейке, у щита, она стояла, как капитан корабля на капитанском мостике.

— Это дежурная по щиту, — сказал Антонов.

— Разве у вас женщины на этой работе?

— Да, недавно. Две смены женские.

— И как справляются?

— Хорошо. Они очень внимательны.

Мы прошли мимо щита. Дежурная слегка кивнула нам головой. У нее было смуглое рябоватое лицо и черные пронзительные глаза. Двигалась она резко и уверенно.

После работы, в завкоме, выжав из предзавкома сотню всевозможных сведений, я добралась до «работы среди женщин».

— Об этом пусть вам Чуличкова расскажет, — ответил председатель. — Вот она как раз пришла.

В Чуличковой я узнала дежурную по щиту. Теперь она была в длинном черном пальто и черной надвинутой до бровей косынке, что еще резче выделяло строгую иконописность ее монашеского лица. Такими были, должно быть, старообрядческие начетчицы в скитах.

— Ну что, Чуличкова, пойдешь в платные организаторы? — спросил председатель.

— Не знаю, как быть, Иван Алексеич, — отвечала Чуличкова. — Эту я работу и так делаю, и как профорганизатор, и по коллективу. А завод бросать мне неохота.

— Так ты ведь завод и не бросишь, а будешь числиться при заводе организатором женщин! И получать будешь больше, чем сейчас.

— Это-то я знаю, — сказала Чуличкова: — да неохота мне от своего дела отставать! А работать я и так буду.

Мы разговорились.

— Работала я на Челябинских чернорабочей, — так рассказала мне Чуличкова. — Там я и в партию вступила. А раньше я темная была, религиозная. Семья у нас по старой вере воспитана. Всю жизнь я батрачкой была, но только революции не понимала. А как закрылись Челябинки в 24-м году, приехала я искать заработка сюда, в Карабаш. Поступила сиделкой в санаторию. Вижу, завхоз санаторский на-

род обманывает — большим дохлую корову скормил. Устроила я тут бузу. Завхоза убрали, а меня в санатории в комитет выбрали.

«В Карабаше тогда не было организатора женщин, и это меня страшно поразило. Я поставила вопрос: что нужен нам организатор женщин, и меня назначили в организаторы. Я стала работать».

— Как же вы начали?

— Очень трудно было начинать. Вначале мне женщины в рожу плевали, слушать не хотели. А мужа, как меня увидят, последними словами ругаются. Бить собирались. Ну, да я упорная. Повела агитацию, и теперь у меня уже везде делегатки выбраны: и на заводе, и у домашних хозяек, и от крестьянок по деревням. Еще я среди батрачек работала, — с ними легче. Тут мужей нет, все одинокие женщины или с детьми. Они скоро поняли, что надо в союз войти, чтобы улучшения добиться. Кассу взаимопомощи мы устроили для батраков, подписной лист в санатории пустили.

— Зачем же подписной лист?

— Безработных у них много было, а денег взять неоткуда. Ну, я с ячейкой и договорилась, подписной лист в санатории, среди больных, пустили. Там больные богатые были.

— Ну и что же?

— Оборудовали кассу взаимопомощи. А тут «Карабаш» открылся, и мы наших батраков сразу на работу поставили — 95 человек. Сама я тоже в завод поступила, в сторожихи, на 12 р. 50 коп.

«Тут уже женщины ко мне хорошо стали относиться, да и батраки меня поддерживали. Пришло мне в голову: что же, у нас все женщины чернорабочие; надо их на квалификацию выдвигать (калефикацию — говорила Чуличкова). Завком согласился и администрация тоже. Поставили мы четырех жен-

щин на щиты — двух батрачек и двух комсомолок. Да еще четырех на слесаря учиться. Тогда и я сама стала на щите работать».

— А трудная эта работа?

— Не трудная, а ответственности много. Иной раз стоишь и думаешь: ведь от моей оплошности весь завод взорваться может, — столько народу! Даже думать страшно. А работа интересная, да и жалованье 20 рублей идет.

— А семья есть у вас?

— Есть одна девочка, 12 лет. Был муж, да мы с ним уже 10 лет врозь живем.

— Как же вы справляетесь с работой?

— Вот мне и предлагают теперь, чтобы я щит бросила и в заводе платным организатором осталась. А я решиться не могу. Теперь-то я стараюсь в заводе по ночам дежурить или так, чтобы к двум часам кончить. А собрания я вечером устраиваю. Вот хотите, поедем со мною сегодня в Соймоново на женское собрание. Это отсюда три с половиной версты, около рудника.

— Поедем.

В 5 часов мы с Чуличковой уже тряслись на заводской таратайке по карабашским ухабам.

— Еще одну делегатку мы с собой захватим! — сказала Чуличкова, и мы остановились, чтобы дать влезть в таратайку немолодой уже женщине в поношенной зеленой плисовой шубейке.

— Это товарищ Чепурковская, она будет доклад делать. А это — корреспондент, — представила нас Чуличкова. — Садись ко мне на колени, Чепурковская!

Но таратайку трясло так, что сидеть на коленях не было никакой возможности. Чепурковская кое-как уместилась на облучке, лицом к нам, и крепко ухватилась одной рукой за кучера.

Мы продолжали путь.

— Вот эта делегатка, — сказала Чуличкова, — выхлопотала нам школу-семилетку для Карабаша. Расскажи, товарищ Чепурковская, корреспонденту.

Чепурковская покраснела и гордо посмотрела на меня. Ей было лет 50 на вид. Светлые редкие волосы выбивались из-под солидной «хозяйской» косынки; лицо в мелких морщинах и молодые серые глаза.

— Расскажите, пожалуйста! — попросила я.

И вот, слово в слово, замечательная повесть, рассказанная мне на тряской таратайке маленькой женщиной в потертом плюсовом пальто.

В Карабаше была школа первой ступени, а вторая ступень имела только в Кыштыме. Кто из карабашских хотел учить детей, должен был содержать их в Кыштыме, а это вставало в копеечку.

Чепурковская — сама домашняя хозяйка, а муж у нее мастер на заводе (герой труда! — хвастнула она). Сама-то она малограмотная, а один из мальчиков кончил нынче первую ступень, да еще трое за ним подрастают, помоложе. Мальчик толковый, хочется учить его дальше, а средств нет. Вот и надумала Чепурковская: сговориться с другими родителями и подать заявление в ВИК (Карабаш волостное селенье), чтобы тот хлопотал об открытии школы второй ступени в Карабаше.

Я списала это заявление. Вот оно:

З А Я В Л Е Н И Е

Просим сельсовет похлопотать о том, чтобы в Карабашском заводе при школе № 8 открыли пятое отделение в виду того, что посылать детей в Кыштым далеко и средств нехватает у нас содержать их там, а школа 2-ой ступени там только одна и переполнена, так что наши дети останутся за бортом. Поэтому просим вас, все отцы и ма-

тери трудящиеся, не оставить нашу просьбу без внимания и настоять на том, чтобы здесь открыли пока хотя бы 5-ое отделение с программой семилетки.

4 июля 1925 года.

(Следуют подписи родителей.)

На это заявление ВИК ответил отказом. Тут родители собрались, и Чепурковская сказала: раз ВИК отказывается, давайте хлопотать помимо ВИК'а. Проведем через местные организации. Родители уполномочили ее хлопотать. В тот же день она зачитала заявление на женском собрании, и женщины все ее поддержали. Затем она пришла на собрание железнодорожников, которые тоже решили поддержать и тут же заполнили подписной лист в пользу школы на 88 рублей. За железнодорожниками она обратилась в правление комбината. Правление согласилось с тем, что школа в Карабаше нужна, и положило соответствующую резолюцию. Заручившись согласием завкома, Чепурковская делает доклад на общем собрании родителей. Тут решаются на важную меру: созвать «пленарное заседание» всех организаций Карабаша.

«Пленарное заседание» постановляет: избрать комиссию из 5 человек и уполномочить ее просить РИК (в Кыштыме) и дальнейшие инстанции. Чепурковская едет с комиссией в Кыштым — в РИК, в РАЙОНО.

Заведующий Окунев читает карабашское заявление за подписью всех организаций и... отказывает наотрез. Комиссия умоляет его дать причины отказа.

- Он отвечает: 1) школа не предусмотрена сметой; 2) в Карабаше нет помещения; 3) в Карабаше нет педагогов.

«А, кроме того, вам школа не нужна».

Комиссия возвращается в Карабаш ни с чем.

— Еду я из РИКА вне себя от горя, — говорит Чепурковская: — а документы у меня все в руке и в чистой косынке завернуты. А, признаюсь, не успела я впопыхах вторую косынку постирать, — на голову-то старый платок надела.

«Едет со мной в вагоне председатель кооператива, и спрашивает: „Что это у вас, товарищ Чепурковская, в белой косынке завернуто?“. А я отвечаю: Если вы из простого любопытства спрашиваете, не стану рассказывать. А если дадите слово, что не будете смеяться, расскажу. Он и говорит: „Даю слово, что не буду смеяться“. Ну я ему и рассказала, что везу документы, что нам РИК в школе отказал, — сказал, что нет денег да и не надо нам школы.

«Вот он и говорит мне: „Не только смеяться не буду, а еще 300 рублей мы из кооператива на школу жертвуем. Собирайте деньги, делайте без РИКА“».

Приехала Чепурковская в Карабаш и на собрании родителей так и предложила: Составим смету и соберем добровольные пожертвования на школу, кто сколько может. Помещение и педагогов тоже подыщем сами, может-быть, тогда и РИК не станет спорить. Сказано — сделано.

По ее предложению собрание родителей обращается в райком союза металлистов, который обещает давать по 150 рублей в месяц. Набрали подписной лист добровольных взносов, да еще комбинат обещался дать денег заимообразно, и поехали снова в Кыштым.

Кыштым вторично отказывает.

— Когда я услышала отказ, — рассказывает Чепурковская: — не знаю что со мной сделалось. Не знаю, как я до Карабаша доехала. Точно в безумии каком-то была. Приезжаю домой, а на лугу общее собрание завода по поводу приезда немецких делегатов. И завком весь в сборе. Подошла я к ним и рассказываю:

отказали! Тут секретарь райкома металлистов говорит: «Дай, Чепурковская, твои бумаги. Свезу их прямо в Свердловск, в ОКРОНО». А он ехал туда за немецкими делегатами. Отдала я ему бумаги и жду, что будет. Через 3 дня он вернулся и говорит: «Школа будет, обещали!»

Прошло две недели. Наступила страда. О школе ни слуха ни духа.

— Работаю я, — рассказывает Чепурковская: — а сама все о школе думаю. Забыли там, наверно, про нас!

Когда полевые работы кончились, Чепурковская сказала мужу:

— Еду в Свердловск.

— Поезжай!

Но тут стали протестовать остальные члены комиссии. Говорили: «Ты что, в Свердловске погулять хочешь?». А завком сказал: «Пошлем председателя или секретаря. На них посмотрят, как на организацию, а на тебя, как на женщину».

Но маленькая женщина в плисовой шубейке настаивала на своем. И муж поддержал ее, сказав: «Уж раз начала, доведи дело до конца». И родители тоже поддержали: пусть едет Чепурковская, она добьется.

Командировку дал райком металлистов; 10 рублей на дорогу дал завком. А кроме того, пришлось продать поросенка, так как 10 рублей едва хватило на билет.

В Свердловске Чепурковская была в первый раз в жизни. Она отправилась в ОКРОНО. У заведующего ОКРОНО стоял хвост на двое суток. Но маленькая женщина зашла с боковой двери и явилась к товарищу Невскому.

Она сказала: «Я насчет открытия семилетки в Карабаше». — Тогда товарищ Невский вскочил со своего

места, созвал всех людей из соседней комнаты и сказал: «Значит, это не сказка!».

В этом месте Чепурковская вслинула. Я посмотрела на Чуличкову; она тоже плакала. Ее бледные щеки горели, а слезы так и катились на кожаный фартук таратайки.

— Значит это не сказка! — сказал товарищ Невский: — что какая-то женщина в Карабаше хлопочет о школе.

Тут они посадили Чепурковскую в кресло и заставили подробно рассказать о том, как она хлопотала. А потом подписали ей все бумаги и положили резолюцию в РИК: «Открыть к осени семилетку в Карабаше».

Можно было бы написать целую книгу о том, как Чепурковская, возвратившись в Карабаш, подыскивала педагогов для школы. Это невыносимо-трогательная история, смешная и трогательная.

Когда я уезжала из Карабаша, школа деятельно готовилась к открытию.

В маленьком домике на пригорке, плотники, стекольщики и маляры стучали во всю.

Я, впрочем, забежала вперед...

Заводская таратайка привезла нас в Саймоново, где я вторично прослушала рассказ Чепурковской. Это и был доклад делегатки. Чуличкова председательствовала и строго вела собрание. В ответ на аплодисменты докладчица взволнованно кланялась и, наконец, закончила свою речь так:

«Приветствую вас, товарищи, что мы живем при нашей власти, где такая темная женщина, как я, могла хлопотать школу для таких простых людей, как вы».

Темная ли женщина Чепурковская, — это виднее читателю. Но ее настойчивости следовало бы поучиться.

Вот и весь рассказ о двух карабашских женщинах.

Путь руды

Говорят — медные самовары, краса и гордость истинно русского национального духа, стали выходить из употребления: их вытесняют более дешевые примус и жестяной чайник.

Причины падения национального духа надо искать глубоко. Причины эти лежат в земле, на 100 сажен глубины, там, где пять лет лежала без движения уральская медная руда.

Гражданская война отрезала руде выход из земли, она разрушила рудники и медноплавильные заводы, но уже 3 года, как уральские рабочие восстанавливают рудники и заводы, чтобы дать выход руде.

Многое уже сделано: пущены в ход Пышма и Калата, частично восстановлен Карабаш.

В Карабаше особенно наглядна эта тяжелая работа, которая ведется с необычайным упорством и мужеством. Здесь рядом с затопленной шахтой вы видите другую, где идет работа по выкачиванию воды, и третью, где уже происходит добыча руды.

На заводе, где плавка меди идет во-всю, вы найдете рядом с живыми машинами машины-трупы, заржавевшие и сломанные.

Люди усердно копошатся над ними.

Кажется невероятным, что этим развалинам будет возвращена жизнь. А ведь недавно весь завод был погребен под снегом, заброшен, мертв.

Посмотримте, читатель, как восстанавливают путь руды:

Мы едем на Смирновский — теперь Рыковский — рудник. Дорога: холмы и долины, грязь, скудные кустики; по разрезу склона торчат из земли горные породы, как ребра из тела. Это, по большей части, сланцы, слоистые и зеленоватые.

Виден Карабаш, пепельно-серо-черная одиночная гора, чуть-чуть запорошенная снегом. Говорят, здесь когда-то был густой лес, но его вырубил. Далеко за Карабашем, как тяжелые низкие облака, стоят горные цепи Урала — Юрма и Танганай.

Вот и рудник: «копёр» — род вышки с блоком, на который идут канаты из глубины шахты: у копера — сплетение труб; тут же два крохотных домика — машинное отделение и контора рудника; пенясь, бурно льется зеленоватая, будто мыльная вода, выливаясь по желобу в болото, — это вода, откачиваемая из шахты. Вот и все, что вы увидите на поверхности земли. Там, в глубине, 250 человек уже более полугодом днем и ночью ведут борьбу с водой. Полгода тому назад вода была на уровне входа в шахту. Теперь ее отогнали на 80 сажен вглубь.

Мощный компрессор нагнетает воздух до 8 атмосфер и по трубам гонит его в шахту, где он с силой давит на воду, выталкивая ее вверх. У стены машинного отделения вы можете увидеть рот компрессора. Это невинное отверстие широкой трубы, затянутое провололочной сеткой. Но сила его дыхания такова, что трубы, по которым он гонит воздух в шахту, нагреваются до горяча, а вода, выбрасываемая из глубины 80-ти сажен, пенится и бурлит, как шампанское. Вода отступает, и по пятам за ней идут люди. Они очищают штреки, т.-е. подземные коридоры, от грязи и поднимают ее на вагонетках вверх. Они укрепляют подгнившие крепи шахты. В душном сыром воздухе подземного хода, где, согнувшись, они стоят по колено в жидкой грязи, им ежеминутно грозит опасность — быть раздавленными многопудовым обвалом земли. 30 рублей в месяц за восьмичасовой рабочий день — вот все, что может дать республика за эту работу. При Уркуарте они получали еще меньше.

Сигнал! Из-под земли, из люка выезжает наклонная вагонетка с грязью. Ее встречают двое черно-рабочих и дежурный по шахте — стволовой. Рабочий откидывает бок вагонетки, и грязь по откосу сползает на землю. Одновременно в соседний люк опускается порожняя вагонетка.

— А где же спускают людей?

— Да пока по лестнице.

Рядом с люком — лестничное отделение. В глубь земли погружена лестница. Вдоль нее горят фонари. Конец ее теряется во тьме.

— Сколько ступеней?

— До конца 1280, но пока спускаются только на 700.

— Почему не клетью?

— Клеть ремонтируется. К ней приспособливают новый металлический канат на 1250 пудов. Тогда можно будет без опасения спускать людей.

Действительно, клеть лежит тут же, близ входа в шахту. Это — провололочная мышеловка на человеческий рост. В ней сделаны деревянные перегородки, — ребра, вышиной в колено. На каждую перегородку садится человек, — всего в клетке помещается шестеро, согнувшись. Клеть спускается на стальном канате по наклону вниз.

Кроме воды у человека есть еще другой враг — рудничный газ. В недрах Рыковского рудника его содержание местами доходило до 34%. Для разведки на присутствие вредных газов при руднике работает горноспасательная станция, одна из 5 горноспасательных станций СССР.

Горноспасательной станции отведены 2 комнаты при конторе рудника. Здесь собрано все, что было придумано человеком для борьбы с подземными газами. Свиные рыла респираторов, маски, дыхательные аппараты, водолазные костюмы, бутылки с кислородом и многое другое.

На крючках висят ярко вычищенные предохранительные лампочки всех систем: электрические, заряжающиеся на сутки; индикаторные, на которых при появлении в воздухе гремучего газа образуются характерные ореолы; когда же содержание газа доходит до 4%, — лампочка гаснет.

На стене красной причудливой фигурой висит новешенький германский аппарат для искусственного дыхания — «симхабад».

— Были ли смертельные случаи на руднике? — спрашиваю я у заведующего спасательной станцией.

— Нет. До сих пор всех отравившихся удавалось во-время извлечь из шахты и привести в чувство. Один рабочий пробыл около двух часов в обмороке на дне шахты, и все-таки наши «спасатели» его откачали.

— Значит, вы дежурите здесь постоянно?

— Днем и ночью.

Вторая работа станции — это испытание стальных канатов, на которых спускаются груз и люди. Когда я осматривала станцию, спасатели — здоровенного вида молодцы — как раз занимались этой работой в соседней комнате. Один из них раскручивал на отдельные витки и проволоочки толстый стальной канат; другой натягивал проволочку на железном станке; третий отмечал в книге номер проволоки и результаты испытания. У каждой проволочки в канате свой аттестат. До испытания на станции ни один канат не может быть пущен в ход на шахте — таков закон. Для подъема людей канат должен быть испытан на десятикратную тяжесть.

С Рыковского рудника — дорога на Американский, ныне Сталинский. Здесь путь для руды уже свободен. Рудник откачан на 2 месяца раньше срока. Правда, и глубина его меньше: всего 51 сажень.

У рудоподъемной машины зорко дежурит машинист. Перед ним огромная катушка-барабан, на которую наматывается стальной канат. Этот самый канат перекинут через блок на копере и опускается на самое дно шахты. На конце его висит вагонетка. Машинист нажимает на рычаг и регулирует быстроту намотки. Перед ним переговорная трубка — рупор, по которой он общается с дежурным у шахты, и дощечка с дырками для счета вагонеток. На этой древней дощечке, ровеснице горного дела на Урале, он отмечает при помощи палочки все движение руды. Несложная бухгалтерия! Но ему вручена судьба людей, находящихся под землей, и судьба руды. За свои восемь часов у машины машинист получает 40 рублей в месяц.

Вот, наконец, и руда. В игрушечной вагонетке, похожей на открытый ящик, она лежит тяжелыми зеленовато-серыми глыбами с мелко-зернистым блеском. Это — серно-медистый колчедан.

Наверху у входа в шахту рабочие ждут вагонетку с рудой. Это — «верховые». Их задача — доставлять руду от отверстия шахты до полотна железной дороги.

По жидкой осенней грязи они тяжело шлепают в самодельных лаптях. «Верховым» сапог не полагается. А купить — нехватает.

Рабочие сталкивают вагонетку с платформы в сторону. Другие катят ее по узеньким рельсам до насыпи. Еще несколько часов, и маленький паровозик, пытая и свистя, потянет ее на медеплавильный завод в Карабаш.

Ближайшие окрестности завода мрачны и лишены растительности. Сернистый газ убивает зелень. Высокая заводская труба отводит его в самые верхние

слои воздуха, но он упорно садится на землю и придает ей какой-то серо-зеленый мрачный налет. На фоне черно-зеленой горы маячит трехэтажный красный корпус завода. Перед ним неподвижный, до краев наполненный черной водою заводский пруд. Вечером, когда вагонетки с горящими шлаками опрокидываются с высокой насыпи и огненные реки текут вниз, освещая красным отблеском небо, — Карабаш мрачно прекрасен.

Карабашский завод работает в 3 смены. 2½ тысячи рабочих обслуживают руду. Завод выстроен по склону горы с таким расчетом, чтобы движение руды производилось сверху вниз. Руда прибывает из рудника на высокую эстакаду, где она выгружается в особые хранилища — бункера. На дне бункеров имеются люки. Когда люк открывают, руда проваливается в нижний этаж, где ее уже ждут вагонетки электровозов. Один рабочий управляет электровозом; он везет целый поезд руды к жерлу огромной, пятиэтажной высоты, печи — «ватержакета». Ватержакет наполнен доверху расплавленным металлом и раскаленным воздухом. Мастер, работающий у ватержакета, подымает заслонку печи, как будто открывает ей огромную пасть, и сноп синего огня вырывается из пасти наружу, к самому небу.

Вагонетки, одна за другой, опрокидывают руду в пламя, и, одновременно с рудой, с противоположной стороны печи в нее сыплется соответствующая порция кварца, известняка, кокса и антрацита. Это «флюсы» — необходимая приправа для плавки меди.

В то же время огромные воздуховодные трубы не перестают подавать воздух в ватержакет, а точная вода беспрерывно орошает его внутренние стенки, предохраняя от накаливания. Оттого-то печь и называется ватержакетом, что на ней водяной текущий жакет.

Стоя на раскаленном полу, отворачивая от огня обожженные лица, полуголые рабочие уверенными движениями регулируют всю эту пламенную машину так же спокойно, как домашняя хозяйка регулирует свою печку-буржуйку, на которой варится суп.

Руда плавится и стекает в нижнюю часть печи. Спустимся с нею в нижний этаж. Мы, наконец, на земле. Из отверстия ватержакета течет раскаленная медь в огромные каменные чаны. Подвижной ковш собирает ее, оставляя тяжелые шлаки на дне этих каменных чаш. Рабочие собирают еще дымящиеся шлаки на вагонетки и вывозят их с завода. А медь идет во вторичную плавку, в особую печь, и, наконец, выливается в каменные изложницы. Когда она охладится, рабочие выбивают ее из изложницы, как ребенок выбивает из деревянной формочки «песочный куличик». Получаются не песочные куличики, а бруски черновой меди. Это еще не та чистая медь, которая идет на фабрикации самоваров и медных кастрюль. Черновой меди предстоит еще не одно превращение. Маленький паровозик перетасит ее по узкоколейке в Кыштым, на электролитный завод, где ей предстоит очистка и новая огненная плавка.

И всюду, среди огня, искр, страшной жары, маячат спокойные фигуры в широкополых шляпах, в пимах, с обнаженным торсом, с красными истекающими потом обожженными лицами: слуги медной руды и ее хозяева.

Кыштым

Мы привыкаем к собственному быту, как к постоянному товарищу, и не замечаем его. Но если на мгновение вообразить себя иностранцем, все осве-

щается сразу другим светом, и наш «товарищ-быт» приобретает своеобразные черты.

Подъезжая к Кыштыму и еще сидя в тряском сундуке, который носит гордое название вагона Кыштымо-Карабашской узкоколейной дороги, я вообразила себя чехо-словацким делегатом, посетившим СССР. В качестве такового я и буду описывать Кыштым.

Если кому-либо из читателей этот рассказ покажется наивным, прошу отнестись к наивности за счет Чехо-Словакии.

Кыштым сделан так: по холмам и оврагам разбросаны бревенчатые черные избы с узорными коньками. Два пруда — Верхний и Нижний. На берегу Верхнего пруда белый барский дом и мертвые корпуса старого чугуноплавильного завода. На Нижнем пруду, за тяжеленным деревянным частоколом, дымится новый — бывший урквартровский, а нынче Карабашско-Кыштымского медного комбината — электролитный завод.

А кругом на 520 тысяч десятин раскинулась заводская дача: горы, леса, озера. Рыба и дичь водятся здесь в изобилии. Одно из озер, «Увильды», имеет 60 верст в окружности. В земле лежит медь, рудное и россыпное золото, есть месторождений минералов: корунд, рутил, алмадин, хризолит, соймонит, кеммерит и многие другие.

Все это богатство было куплено когда-то у башкиров Никитой Демидовым за 72 рубля ассигнациями. Он-то и построил здесь два железодельных завода, куда переселил крепостных из разных губерний.

На даровом крепостном труде и на крови работал Кыштым. По берегу этого мирного с виду пруда проходил когда-то с нагайкой в одной руке и с заряженным револьвером в другой «знаменитый» управ-

ляющий Кыштымских заводов, Гришка Зотов, и тысячи людей трепетали при его появлении. При заводе было заведено особое кладбище для «скоропостижно скончавшихся» от зотовских рук. А когда, по приказанию следственной комиссии, спустили воду из Верхнего пруда, то на дне его нашли десятки скелетов людей, брошенных туда по зотовскому приказу.

Таковы кыштымские «феодалные времена».

С уничтожением крепостного права положение рабочих Кыштымских заводов мало изменилось. Как и все уральские рабочие, они получили крошечные наделы; вся остальная земля оставалась в руках заводчиков. Таким образом зависимость рабочих от заводов была прежней. Рабочий, связанный собственным хозяйством с Кыштымом, не мог прокормиться на земле и боялся с нее уйти. Он должен был прирабатывать на заводе.

Кыштымские заводы продолжали выделывать чугун вплоть до того года, когда Уркварт надоумил их владельцев, что нет расчета плавить дешевый чугун, когда имеется руда, содержащая 4% меди. Тогда чугунные заводы были заброшены и на Нижнем пруду построили электролитный завод. Он должен был очищать выплавляемую в Карабаше медь. Десять лет «проработал» Уркварт в Кыштыме и уехал в 1917 году, не дожидаясь приглашения.

Капитализм в Кыштыме окончился. Пришли красные, белые и снова красные. Утвердилась советская власть. Кыштым стал районным центром. В нем помещаются РИК, ОТЗДРАВ, ОНО, СОЦСТРАХ, профсоюзы и все, что полагается административному центру.

А внешний вид у Кыштыма точно такой же, какой был при Демидовых: бревенчатые избы по пригоркам, и между ними жидкая непролазная грязь. По этой

грязи медленно плетутся телеги с дровами и углем, и лишь заводская таратайка с полунемым заводским конюхом «кокой» скачет во всю прыть, каким-то чудом сохраняя равновесие на кыштымских ухабах.

«Кока» — мальчишка-башкирин, полунемой, полудиот, но он идеальный конюх. На заводе его жалеют и любят. Правит он стоя на таратайке, как на колеснице, и целый день вихрем носится с малой «ку-ку» на завод и с завода на большую «ку-ку». «Ку-ку», на его языке, железная дорога. С малой «ку-ку», т.е. со станции Кыштымской узкоколейки, он привез меня на электролитный завод.

Меня интересовал вопрос: после Григория Зотова и Лесли Уркварта каков-то теперь управляющий Кыштымским заводом? В директорском кабинете я нашла молодого, лет 26, рабочего с обыкновенным простоватым лицом и слегка недоверчивым взглядом.

Он сам повел меня осматривать заводские цеха.

Ни платьем ни лицом он не отличался от десятков тех рабочих, которые попадались нам навстречу на заводском дворе. Один из них остановился, мимоходом прикурил потухшую папиросу от директорской и пошел дальше.

Я улыбнулась.

— Чему вы смеетесь? — спросил директор (я забыла его фамилию, каюсь; это была совсем обыкновенная фамилия).

— Смеюсь тому, что у Уркварта этот рабочий не посмел бы прикурить папироску.

Директор по-детски расхохотался.

— Ишь, чего выдумали! У Уркварта!

Сперва мы осматривали медеплавильный цех. В обширной зале желтым огнем пылала анодная печь, в которой плавилась и очищалась карабашская черновая медь. Полный огненной жидкости ковш, послушный рычагу машиниста, наполнял одну за дру-

гой движущиеся по кругу каменные формы-изложницы. Огненная жидкость отливалась в них семипудовым толстым листом с двумя ушками. Это и есть «анод», из которого путем электролиза добывают чистую медь.

У одной из печей литье еще не начиналось.

Группа «печных» о чем-то разговаривает сидя. Мы подходим к печи, и, покуда директор объясняет мне ее устройство, я тайком наблюдаю за разговаривающими. В них нет и тени подобострастия к своему «начальству». Они не вскакивают и не подходят к нам; они мирно продолжают свою беседу, кажется, об охоте и о цене на дробь.

— А как заработки?

— Да ничего. С тех пор, как перешли на сельщину, жить можно, — отвечает один из рабочих, коренастый, с походкой в развалку.

— Рабочие сами настаивали на сельщине, — объясняет директор. — Теперь у них 50 — 60 процентов приработку.

— Ясное дело, — отзывается голос из угла: — кто лодырь, тот ничего не получит, а кто работает, тот всегда себя оправдает.

Мы поднимаемся по лестнице в электролитический цех. Едкий запах серной кислоты бьет нам в лицо. По обеим сторонам узкого прохода тремя рядами стоят здесь длинные чаны-ванны. В них погружены аноды и катоды. В чанах беспрерывно циркулирует серная кислота, подаваемая снизу вверх особым насосом.

Кругом тепло, светло и почти безлюдно. Только двое рабочих дежурят во всем зале; главным образом они охраняют запертый сундук со шламом.

Шлам — это местная драгоценность. Шлам — это жидкая грязь, которая остается на дне чанов после того, как химический процесс очистки меди

закончился. Процесс этот продолжается 14 суток, в течение которых чистая медь переходит на катоды. Их вынимают из чанов и подвергают дальнейшей обработке. А грязь, оставшуюся на дне чанов, тщательно собирают лопаточками и прячут в деревянный сундук.

Карабашские шламмы содержат $4\frac{1}{2}\%$ золота и 40% серебра. В особом, шламовом — секретном отделении электролитного завода его сушат и переплавляют в сплав золота и серебра, так называемый металл Доре. Металл Доре передается на свердловский Аффинажный завод.

— Значит эти шламмы лучше всякой золотой россыпи?

— Понятное дело. В лучшей золотой россыпи вы намоете восемь золотников золота на пуд песка. А здесь его приходится по полтора фунта на пуд.

— А воруют его?

— Прежде, при Уркварте, здорово воровали. Размажут по платью или по валенкам и вынесут за ворота. А то еще такой способ был: поймают хомяка или крысу, сдерут шкурку и набьют ее шламом, а затем через забор выкинут. Иные просто с охраной сговаривались.

— Ну, а теперь?

— Теперь почти не воруют. Обыск у нас установлен, — объясняет директор. — Да и сознательнее стал народ и не такой голодный.

— Не ворует, а теряется много, — вмешивается в разговор один из дежурных.

— А как?

— А вот тут к нам один профессор приезжал, так он на себе волосы рвал. Вы, говорит, золото ногами топчете. А потом прочитал лекцию, как за границей с этим шламом обращаются.

— Ну, и что же?

— Там в шламовом отделении пол паркетный, и каждая крупинка подметается. А одежда рабочим дается казенная и туфли, на год, чтобы ее домой не носить. А через год ее сжигают в особых печах и собирают шлам в золе.

— И у нас когда-нибудь заведем, — успокаивает директор.

По грязному дощатому полу со втоптаным в него золотом мы покидаем шламовое и направляемся к вайарбарсовым печам. Это особые печи, в которых переплавляются катоды; получаемые здесь бруски чистой меди в зависимости от формы отправки носят причудливые названия вайарбарсов и инготбарсов. Здесь кончается путь медной руды и начинается путь чистой меди. На этом мы заканчиваем осмотр завода.

— В конторе я получаю сведения о работе завода.

С 1918-го по 1919-ый — завод работал с перебоями: голодали, уезжали на фронты, но все же работали. С 1919-го по 1921-ый завод стоял.

— Отчего стоял?

— Колчак. Чехо-словаки. Не было доступа ни к меди ни к углю; ну, мы и перевели завод на консервацию. Поставили двух стариков сторожить. А когда эвакуировались белые из Кыштыма, был приказ — испортить генераторы на заводе.

В качестве делегата от чехо-словаков, я опустила глаза. К счастью, никто из присутствовавших не догадывался о моем воображаемом делегатстве.

— Приехало двое каких-то и... прямо в машинное отделение. А наши сторожа крик подняли, не пускают: «Не дадим завод портить».

— Что же, у сторожей оружие было? — спросила я.

— Нет, какое там оружие. Старики крепкие — один кузнец, другой музыкант. Как закричали на

белых да зашумели... Тем, видно, тоже неохота была, только что начальство приказало.

Вот один и говорит: «А ну их к чорту! По-едем!».

Так и уехали.

Избавились мы от белых, стали думать о том, как завод пустить. И пустили. Сперва начали медную проволоку тянуть.

— Почему же не запустили сразу, как следует?

— Не умели. У нас насчет электролиза спецов не было. У Уркварта тут все мастера англичане были, они уехали вместе с хозяином. Наконец, в 1922 году наладили электролиз собственными силами и стали обслуживать Калату и Пышму (медеплавильные заводы). А с марта 1925-го пошел и Карабаш.

Так рассказывали мне новую историю Кыштыма в конторе завода.

А директор завода забросал меня цифрами. Я тщательно записала их:

«Сейчас мы вырабатываем 40 000 пудов чистой меди в месяц. Всего за текущий год мы выполнили задание на 175%. А на будущий — предполагаем выпустить 600 000 пудов. На заводе работает сейчас семьсот рабочих. Раньше при 12-часовом рабочем дне рабочий, занятый на анодной плавке, выплавлял в сутки 45 пудов анодов, а теперь, при 8-часовом дне он выплавляет 40 пудов. Прежде, при Уркварте, на 100 пудов загрузки было брака 1,18%. А у нас теперь брак уменьшили до 0,28%».

Я не в состоянии выписать всех цифр, которые мне сообщили в конторе Кыштымского завода. Все они сводятся к тому, чтобы «фактически» утереть Уркварту нос.

Я даже забыла упомянуть о том, что завод раз-рубил и расплавил всех, оставленных Урквартом «козлов». А «козел», как известно, есть тысячепудо-

вый результат неудачного литья и является позором для всякого участвовавшего в козлиной отливке.

— Скажите, — спросила я (в качестве чехо-словацкого делегата), — а почему при Уркварте «козлы эти преспокойно лежали на заводском дворе?». Разве никто не подумал о том, что их можно пустить в ход?

— При хозяине? — спросил директор. — При хозяине никому интереса не было. Лежат козлы, — ну, пускай и лежат.

Но разве можно вместить в записную книжку 200 лет истории и описание трех эпох: феодальной, капиталистической, начала социалистической.

Вечером я прощалась с наследником Григория Зотова и Лесли Уркварта. Колюх-кока должен был отвезти меня к поезду в Свердловск, на большую «ку-ку».

— Извините товарищ, — сказал мне директор Кыштымского завода, если я не все ясно объяснил вам насчет электролиза. Я, знаете, не спец по этому делу. Я сам из Калаты, металлист, и сюда переброшен не так давно. Очень тяжелая вещь эти переброски. Только успеешь узнать одно дело, как следует, во всех тонкостях, а тебя вдруг направляют на другое. Я понимаю, — люди нужны, но ведь и нам поучиться хочется.

В качестве чехо-словацкого делегата я регистрирую эту жалобу здесь, в моей книге. Может-быть, она дойдет, куда следует и окажет услугу новому рабочему директору в старом Кыштыме.

Золото в Березовске

Мне не пришлось видеть настоящей «золотой лихорадки». Березовский прииск, колыбель русской золотой промышленности, в настоящее время почти

бездействует. Но эту колыбель здорово трясло в свое время, и следы встряски виднеются здесь везде.

Когда вы подъедете к селению Березовскому, вам покажется, будто миллионы земляных кротов рыли и перерывали здешнюю землю, продырявливая себе подземные ходы и выбрасывая открытый песок на поверхность. Везде лежат песчаные пустыри, взрыхленные холмы и брошенные ямы.

«Что здесь разрушали?» — спросите вы.

Вам ответят: «Здесь искали золото».

Березовск стоит на золотоносной земле. Золотоносный участок простирается на 56 квадратных верст по поверхности и на сотни сажен в глубь земли. С 1754 года, когда местный крестьянин Марков нашел здесь первое золото, — за что и был посажен в тюрьму, — Березовский прииск дал казне более 4 000 пудов золота. Это — официальные цифры. Но кто вел учет тайным скупщикам золота, мелким и крупным хищникам, гревшим лапы за счет темного «старателя»?

В Березовске вам и сейчас покажут «фасонистые» дома, когда-то выстроенные скупщиками на «шалыные» деньги. Сейчас в этих домах помещаются контора рудников, детские учреждения, клуб. Рядом с ними вы увидите не менее затейливые домики счастливых — «фартовых» старателей. Старожилы расскажут вам, как тот вот голубой каменный домишко 5 раз был перепродан хозяином и 5 раз куплен им обратно; как владелец вон того желтого флигеля с железной решеткой разорился до последней копейки и ходит продавать метелки. Вам покажут и самого хозяина, бодрого девяностолетнего старика Зыбина, торгующего метелками у дверей местного кооператива.

А какой богач был! Нашел золотины в 9 фунтов. Всю улицу у собственного дома сотками оставил, чтобы

проходу людям не было. А кто идет по улице, обязан себе проход сделать — сколько места для прохода надо, столько соток выпить! Везде человеку!

Ничего удивительного, что разорались золотоискатели. Искать золото дорого стоит! Пока его найти — сколько надо денег в эту самую землю вбить! Другие все закладывали, до последнего белишка, а уж раз начали в одном месте копать — не отступятся. Чувствуют, что должна в этом месте находиться «золотая жила» — и копают.

А то бывало так: просадит кто-нибудь последние деньги на предполагаемую «жилу» и бросит, недокопав какого-нибудь аршина. А придет посторонний человек на еще теплое место работы, копнет раз-другой и нападет на золото. Бывали случаи, что «первый»-то искатель кончал с собой от мук сожаления.

Много историй расскажут вам в Березовске. Всех не перечесать.

Кто же такие «старатели»?

Старатели — это большей частью местные жители, которые получили разрешение искать золото за собственный страх и риск, с обязательством продать его государству по определенной цене. И сейчас еще, несмотря на то, что березовская земля, кажется, вся не только перерыта, но и перемыта старателями, многие не перестают искать здесь золото. Выдает «старателям» разрешение на работу сельсовет и горный надзор.

— Почему же сельсовет? — удивится читатель.

Да потому, что, не будь зоркого глаза сельсовета, старатели подрылись бы под чужие дома, под общественные учреждения, под улицы и дороги. Начинает старатель рыться у себя в огороде или в собственном подвале, а выведет ход чорт знает куда.

Мне показывали ход, который «добрый старатель» подвел под заводскую контору, отчего в один пре-

красный день в конторе провалились крыльцо и часть пола. Это произошло не так давно, несколько месяцев тому назад. Не будь сельсовета, который охраняет общие интересы селения, улицы и дороги Березовска давно превратились бы в такой же вскопанный пустырь, как и долина местной речки Березовки. Эту самую речку старатели так старательно перекапывают из года в год, что она то и дело меняет свое русло, как бы спасаясь от старательских лопат. Но ни ей ни окрестным ручьям не спастись от дополнительной нагрузки: на каждом ручье здесь моют песок.

Аппарат для промывания песка — вашгерд или, как его называют старатели, «машерт» — несложен.

Чтоб увидеть его, не надо ходить далеко.

В самой середине села, под мостом через речку Березовку, я увидела такой «машерт» и двух старателей при нем.

Машерт состоит из наклонного деревянного жолоба и ручного насоса для накачивания воды. Жолоб перегорожен на две части. На дне нижней части лежит суконка, в верхнюю насыпается песок.

Один из старателей, молодой, в папахе и поддевке, с обветренным и растерянным лицом, беспрерывно качал воду в жолоб.

Второй, старик, с кудреватыми седыми волосами, в высоких сапогах, как-то необыкновенно ловко одетый, сосредоточенно смотрел, как вода уносила вниз по желобу легкий песок.

Когда вода перестала течь, он очистил щеткой осевшие на суконке песчинки и собрал их на небольшой совок. Повторив эту операцию несколько раз, старик ссынал собранную кучку песка на какую-то сковородку и снова подставил ее под струю. На ржавом дне сковородки заблестели редкие крупинки золота.

Сколько же надо промыть песку, чтобы намыть один золотник золота, цена которого, читатель, вам конечно, известна!

Да самые пустячки — сто пудов песку!

И в Березовске такая добыча считается сейчас очень хорошей. А сто пудов песку — это 4 воза.

Сколько вырабатывает старатель? Рубль, полтора в день.

Мыть золото в общем — невыгодная профессия!

Если возить песок или глину на постройку электрической станции в Свердловске, можно заработать больше.

Но старатели не рабочие. Они — игроки и каждый надеется выиграть. Вдруг «фартнет»! Вдруг попадется самородок, который обеспечит тебя на всю жизнь! Из уст передаются слухи о том, что есть где-то в Березовске в земле такой самородок «лошадиная голова» — в натуральную лошадиную голову величиной. Вот бы найти!

— Почему вы не займетесь другой работой? — спросила я старика у машерта.

Он презрительно посмотрел на меня и ответил: Это у меня врожденное.

Добывать золото в Березовске невыгодно.

Невыгодно потому, что все, что можно было добыть на поверхности земли, уже добыто. Остаются шахты.

Березовские шахты вырыты руками каторжан. В Березовске был когда-то знаменитый острог — Березовская каторжная тюрьма. Здесь работали каторжники в кандалах, прикованные к тачке, работали по 14 часов в сутки.

В Березовск царское правительство сослало уголовных и политических преступников, сюда были сосланы многие поляки, участники восстания за независимость Польши.

Условия жизни и работы были здесь необычайно тяжелы. И все-таки многие из вынужденных жителей Березовска, по окончании срока наказания, оставались здесь на поселение или даже на добровольное жительство.

Граждане села Березовского — потомки бывших березовских арестантов. Они-то и составляют главный кадр здешних старателей и рудокопов.

Главная ценность Березовска — не в россыпном золоте, а в золотой руде, которая лежит глубоко в земле и запасы которой много больше того, что уже было добыто здесь за все время существования прииска.

Но руда эта залегает в условиях, которые настолько удорожают ее разработку, что сейчас ее невыгодно добывать.

Золотник золота обходится дороже своей собственной стоимости — вот один из золотых парадоксов, которые вы услышите в Березовске.

Березовская золотая руда — это так называемые березиты, где золото вкраплено жилками или крупинками в твердейший кварц.

Месторождение золота здесь очень богатое, но почти сплошь выработано на поверхности. На глубине 13 сажен начинается вода, что сильно затрудняет и удорожает работы. За годы гражданской войны шахты затопило, и для их откачки и дальнейшей эксплуатации требуются большие средства.

Уралзолото или, иначе говоря, Уральский золотой трест — самый бедный из трестов. У него много золота в земле и нет денег. Между тем, затратив первоначальную сумму на организационные расходы, можно было бы добывать из Березовска большие количества золота. Об этом подробно говорит докладная записка Уралзолота, представленная в ВСНХ.

Для извлечения золота из кварца в Березовске существуют бегунная фабрика и циановый завод.

Что такое бегунная фабрика? Мельница, на которой размалывают кварц. Если вы посмотрите на нее снаружи, вы увидите высокую стену сарая без окон и дверей, но с люком в верхней ее части. К люкам ведут шаткие наклонные помосты. По помостам вкатывают тачки и тележки с рудой, руда опрокидывается в люки и попадает внутрь фабрики, под самую крышу, под которой в тесноте и грохоте вращаются трехсотпудовые каменные жернова — бегуны. Каждая пара бегунов бежит по каменной чаше, налитой до краев водой и наполненной золотой рудой. Раздробленная руда превращается в каменную кашу, в которой вместе с кварцевым мелевом находится также и все золото. Вокруг чаш с бегунами построены шаткие мостки под самым потолком, — отсюда зоркие глаза следят за размалыванием руды. Золотая каша возбуждает многие аппетиты, и ее, как и всякую кашу, можно взять ложкой.

Немало ложек, совков и других приспособлений для кражи золотой каши было конфисковано на этом мостике; наиболее остроумные из этих приспособлений можно видеть в местном музее.

Бегунная фабрика размалывает не только руду, принадлежащую государственным рудникам. Частные лица, старатели, привозят сюда свою добычу, ибо старатели разрабатывают не только россыпное, но и рудное золото.

Отковыряв с большим трудом воз или два золотой руды, старатель привозит ее на фабрику молот, как возят молот зерно на мельницу. Он не спускает глаз со своих сокровищ, пока его глыбы камня не превратятся в шепотку золотого песка; здесь, на фабрике, никто не доверяет друг другу.

Старатели следят за рабочими, рабочие друг за другом, администрация за всеми вместе. Золото не располагает к дружелюбным чувствам. Впрочем, в нынешнем году старатели образовали кассу взаимопомощи. В союз горняков их не принимают, да они и сами не идут. Можно ли себе представить профессиональный союз карточных игроков? Касса взаимопомощи — и то большая уступка духу времени.

Зайдите в помещение бегунной фабрики. Вы увидите наверху под самым потолком бегуны, бегущие попарно по каменным чашам. От каменных чаш наклонно вниз идут широкие блестящие шлюзы. По ним золотоносная каша, смываемая водой, ползет вниз. Содержащееся в ней золото оседает и превращается в амальгаму, потому что вся поверхность шлюзов смазана ртутью. Когда очередная партия руды смолота, золотую амальгаму счищают со шлюзов и тут же взвешивают на весах. Весы. Они стоят на особом столе. Особо доверенный человек представлен к ним. И весы и человек выверены самым точным образом, потому что эти весы для взвешивания золотой добычи представляют собой смысл существования всего Березовска.

За весами идет дверь в тайное тайных, где начинается алхимия. Здесь — лабораторные печи и кислоты. Здесь разрушают амальгаму, выпаривают ртуть, получают и пробуют золотой песок.

Отработанная кварцевая каша идет на циановый завод, где оставшиеся в ней тончайшие частицы золота осаждаются химическим способом. Здесь орудуют с цианистым калием, и вследствие этого в помещении стоит сильный запах горького миндаля. Воздух здесь насыщен парами циана, и работа считается особо вредной. Чаны с раствором цианистого калия в количестве, достаточном, чтобы отравить население целого города, наполняют завод. Но отравлений здесь почти

не бывает. Разве какой-нибудь новенький «деревенский» парень хлебнет для «форсу» из чана. Но раствор настолько слабый, что такое «удальство» большей частью сходило благополучно.

При циановом заводе находится лаборатория и музей. И тот и другой помещаются на весьма ограниченной жилплощади, но заключают много интересного. В лаборатории работают старые мастера золоторудного дела. По одному куску руды они определяют его месторождение и содержание золота. О каждом куске руды, который лежит за запыленной витриной, вам расскажут замечательную историю.

Любопытна в музее модель старого «толчейного стола», на котором толкли кварц до изобретения бегунов. Этот старинный «толчейный стол» сделан по принципу «ступки и пестика». Кварц толкли, как домашняя хозяйка толчет миндаль.

В музее есть набор воровских инструментов для кражи золота из-под бегунов и из шлюзов. Тут же лежат сплюснутые и исковерканные серебряные рубли, вытасенные из-под бегунов. Такие рубли тайно подбрасывают под бегуны старатели, чтобы вес размолотого рубля увеличил собою вес их амальгамы.

Операция с толченым серебряным рублем весьма выгодна. Она дает до восьми рублей дохода на рубль. Оттого-то в Свердловске местные спекулянты скупали серебряные рубли, перепродавая их затем старателям по 3—4 бумажных рубля за штуку.

Но березовские старатели не остаются в долгу перед свердловскими спекулянтами. Они продают им мелкую медную стружку за золото, желтый песок — «желтик» за золотой песок; они искусно производят «припой» — золоченую медь, которая вводит в обман неискушенных любителей золотых самородков. Березовское золото, как и всякое другое, не любит оста-

ваться в одном месте. Раз выйдя на поверхность земли, оно немедленно отправляется в свой богатый авантюрами путь.

Нижний - Тагил

Две железные дороги соединяют Свердловск с Пермью: Пермская и Горнозаводская.

Пермская — это транзитная дорога: по ней ходят скорые поезда из Москвы на Ново-Сибирск, по ней пробегал сибирский экспресс, по ней уральцы ездят за важными делами в Москву или в Омск.

Горнозаводская — старейшая дорога на Урале. От завода к заводу пересекает она Уральский хребет, и от каждой почти станции бегут ответвления — узкоколейные пути на прииски, копи, рудники, дальние заводы. Поезда здесь ходят медленно, не торопясь и опаздывая, вагоны и паровозы здесь самые захудалые, часы отправлений поездов с конечных пунктов вызывают недоумение. Так, например, поезд, который формируется в Свердловске, уходит почему-то в 2 часа ночи по местному времени. Правда, «по-московски» это еще только 12, но Свердловск ложится с курами: с наступлением темноты исчезают все извозчики, и приходится забираться на вокзал засветло.

Поэтому-то, а) может-быть и по разным другим причинам, свердловский вокзал превращается в ночлежку. От входа и до перрона во всех залах, — кроме 2-го класса, который тщательно охраняется буфетчиком — вповалку, голова к чужим сапогам и сапоги на живот соседа — лежат здесь мертвые тела, дожидаясь поезда. На сундуках, ящиках и баулах спят дети всех возрастов — это переезжает какая-нибудь многодетная рабочая семья из Свердловска в Надеждинск, из Уфалея в Тагил.

Во 2-ом классе нет спящих. Зато столы заняты здесь всевозможной пьянствующей братией. Вокзал единственное место, где можно пить до утра, и с 12-ти до 6-ти он служит местом утешения для всех городских пьяниц.

Здесь, за длинными столами, украшенными классической вокзальной пальмой в кадучке, можно требовать сколько угодно бутылок, но зато здесь строго воспрещается класть на скатерть охмелевшую голову.

Между пьяными и спящими — я выбираю спящих и пытаюсь найти себе местечко в 3-ем классе у дверей, у самого выхода.

Безусый парень в короткой поддевке играет с двухлетним мальчуганом. Он делает «козу» из пальцев и то прячет ее за спину, то бодает малыша. Малыш заразительно хохочет. Рядом, сидя на тюке с вещами, баба кормит грудного младенца. Девочка лет пяти стоит тут же, утешившись за материн локоть. Я устраиваюсь рядом с ними.

— Куда едете?

— В Тагил.

— Значит попугачики будем.

— А вы тагильские?

— За Тагилом 10 верст. Конопатчики мы. Артель. Вызывали нас в Карабаш на работу. Сулили золотые горы. Ну, мы и поехали.

— Говорила мамаша не ездить! — вмешивается баба.

— Конечно, — примирительно говорит парень: — предупреждали нас люди, что квартир нету, да только мы не поверили. Ну, а теперь повалялись там на станции неделю, жить негде — и вот домой едем.

Наш мирный разговор внезапно прерывается дикими криками:

— Облава!

Сквозь густой белый пар, висящий над тускло освещенным залом, видно, как мальчишка лет (14, босой и без шапки, мчится стремглав по залу, ловко изворачиваясь между корзинами, перепрыгивая через спящих. Он несется к двери, и вслед за ним из разных углов зала поднимаются такие же испуганные ободранного вида детские фигурки.

Увы! Два красноармейца с винтовками уже стоят за спасительной стеклянной дверью, ведущей к свободе. Два других появляются у противоположной двери, а за ними входят милиционеры и какие-то люди в штатском.

— Граждане! Оставайтесь на местах! Сейчас будет проверка документов, — громогласно заявляет милиционер.

Но граждане и не беспокоятся особенно. Они привыкли к тому, что на вокзале облавы происходят еженощно. Граждане продолжают спать или делают вид, что спят. Одни беспризорники, на которых главным образом и ведется облава, поднимают вой, пытаются разжалобить то милиционера, то красноармейца.

— Дяденька, отпустите! Я с мамкой. Мамка в уборную ушла.

Но «дяденьки» неумолимы. Ребята один за другим передаются под бдительную охрану милицейского наряда, стоящего в вестибюле вокзала. Сквозь стеклянную дверь залы мне видно, что их набралось уже не менее 50, больших и маленьких. Большинство из них мальчишки, но попадаются и девчонки.

— Куда их отправляете? — спрашиваю я милиционера.

— В распределитель, а там по детским домам.

— Все равно, убегут, — говорит мой тагильский попутчик, прижимая к себе перепуганного сынишку. — Им уж не житье в доме.

— Почему вы так думаете?

Но мы не успеваем окончить разговор. В зале начинается движение. Граждане спешно хватают баулы и корзины и двигаются к выходу.

Поезд подав.

В вагонах нет освещения. В них устроены сплошные нары в два этажа. Под лавки немедленно забиваются «беспризорные».

Пассажиры не выдают их. Платные пассажиры всегда на стороне «зайцев» против законности.

«Выдавать» у нас вообще не любят. То ли анархизм это своеобразный, то ли отвращение к «ябеде».

Итак, едем в тесном вагоне, нагруженном людьми и вещами. Но это уже не «военная» теснота. Все вежливы и даже уступают места «детным», хотя и не особенно охотно.

В Тагил приезжаем рано утром. Следующий поезд — через сутки.

— Вы где будете ночевать? — спрашивает меня «конопатчик».

— Да поищу гостиницу в городе или в приедем доме устроюсь. Ведь в Тагиле 70 000 жителей — неужели нет гостиницы?

— Гостиница-то есть, — ухмыляется «конопатчик». — Да только, если не попадете, валийте в «Дом Крестьянина». Вам всякий покажет.

— И вы там будете?

— А как же! Придется поискать на базаре лошадей из нашей деревни. Свезу ребят и жену, а сам хочу в Надеждинский завод кинуться — нет ли там работы.

Вот и Тагил-город. Он расположен в одной версте от станции и окружен невысокими горами.

Завод, пруд, деревня и барский дом с колоннами — вот четыре элемента старого уральского «завода». Все они имеются в Нижнем-Тагиле, но деревня раз-

рослась и стала крупным горнозаводским центром, пруд сохнет в бездействии, а в барском доме помещается правление Уральского железорудного треста.

Что касается завода, то его доменные печи по-прежнему высятся двумя тяжелыми черными башнями на излучине тагильского пруда. Здесь плавят железную руду, лют чугуи и мартеновский металл, катают кровельное железо, делают всевозможные отливки; но главное, чем славится завод, это рельсовые скрепления, костыли, болты, гайки, заклепки и другие части железнодорожного пути.

На всех железных дорогах республики, когда вас, дорогой читатель, неожиданно трясет на крутом повороте, — знайте, что это скрепления Нижне-Тагильского завода удерживают вас от скоростной смерти.

Гражданка История возлюбила Урал. Каждое название завода здесь — исторический сюжет, а нижне-тагильская хроника — материал для историко-производственного романа на 25 листов.

Здесь завод — один из старейших на Урале.

Его основал в 1702 году тульский кузнец Никита Демидович Антуфьев.

Никита Антуфьев, искусный оружейник, по приказу императора Петра, первый испытал железную руду, только что найденную на Урале на реке Нейве. Антуфьев нашел, что она плавится хорошо и что получаемое из нее железо не хуже шведского. Он выковал из этого железа несколько «фузей», которыми Петр остался весьма доволен. Вскоре после этого был основан на реке Нейве первый в России горный завод и отдан в аренду тому же Никите Антуфьеву, «чтобы он отливал на нем пушки, мортиры и всякое воинское оружие». Кроме того Антуфьев получил от царя земли по реке Тагилу, где были самые богатые месторождения железа, и построил здесь еще четыре завода, в числе которых был Нижний-Тагил.

К заводам был прирезан лес на 30 верст в окружности и прикреплены крестьяне, которых и переселили сюда насильно из Средней России целыми деревнями. По преданию, чтобы избежать «бузы», крестьян свимали прямо с полевых работ и, усадив на телеги, отправляли на Урал.

Кроме того Антуфьеву, который теперь стал называться Демидовым, особой грамотой было разрешено принимать к себе всех пришлых людей, но только свободных и имеющих паспорта. Демидов мало считался с этим ограничением: он принимал и беглых крепостных, и беглых солдат, и беглых преступников, и старообрядцев.

Так образовалось рабочее население Нижне-Тагильского завода. Впрочем, такова родословная всего рабочего Урала.

Что касается Демидова, то он явился родоначальником семьи первосортных уральских хищников. Сын его был миллионером и, по слухам, сам чеканил золотую монету; внуки его были возведены в дворянское звание. Его правнук женился на племяннице Наполеона I, принцессе Матильде, и купил в Италии княжество Сан-Донато, а вместе с ним и княжеский титул. Князья Демидовы-Сан-Донато получали богатейшие доходы от своих уральских княжеств. В качестве итальянских князей, они украшали Нижний-Тагил вычурными памятниками, которыми прославлялось их собственное величие. Они строили церкви, которые должны были служить усыпальницами для членов демидовской семьи, и приглашали в Нижний-Тагил лучших итальянских живописцев для росписи собственного двора.

С революцией многое из собранных ими художественных ценностей погибло бесследно, многое разлетелось по окрестным деревням. В прошлом году художник Грабарь, заведующий Третьяковской гал-

дереей обнаружил где-то в Тагиле подлинную картину Рафаэля и вывез ее оттуда. Возможно, что не одна драгоценность еще существует инкогнито в этих темных низеньких тагильских домишках.

Но главные драгоценности здешних мест находятся в земле, в неисчерпаемом запасе железных руд, в золотых и платиновых приисках, в залежах мрамора и малахита.

В одной версте от Тагила лежат Высокогорские железные рудники, лучшие в мире по качеству железной руды, а в 40 верстах находятся знаменитые Авроринские прииски, где получается $\frac{1}{3}$ всей мировой добычи платины.

Тагил окружен чугуноплавильными и сталелитейными заводами.

Неудивительно, что в таком окружении Нижний Тагил стал крупным горнозаводским центром, крупнейшим на Урале.

Однако, четыре элемента, составляющие «уралский завод», остались в нем неприкосновенными. Из этих четырех элементов я попадаю прежде всего в барский дом.

На Урале учреждения начинают работать рано — в 8—9 часов утра.

В 9 часов утра трест уже полон посетителей. По величавой мраморной лестнице торопливо курсируют бородатые крестьяне с обветренными лицами, приезжие агенты из Свердловска; величаво проплывают местные совбарышни. У последних исключительно здоровый вид; по сравнению, скажем, с их московскими коллегами — они настоящие «дети природы». Да и весь народ здесь крупный, крижистый и крепкий.

Над дверью председателя треста, как и полагается, надпись «без доклада не входить», а перед дверью старый слуга (дворецкий из барского дома) охраняет вход.

В ожидании читаю стенную газету.

Передовая статья в газете — «Пора прекратить это безобразие». В ней говорится, что у служащих треста происходит соревнование в раннем приходе на службу. Так, счетовод Иванов пришел «без пяти восемь» и расписался, но делопроизводительница Петрова явилась в $7\frac{1}{2}$ утра, а машинистка Черных ровно в 7. Тогда на другой день Иванов явился в 6 и оказался самым первым, но на третий день Черных, явившись в $5\frac{1}{2}$, опередила его ровно на 22 минуты. Кончится тем, — восклицает автор статьи в справедливом негодовании: — что служащие начнут приходить на службу с ночи или накануне.

Отчаявшись в попытке втолковать дворецкому, что мой поезд отходит в пять часов утра и что я не могу отложить разговор с председателем на завтра, я самовольно вламываюсь в председательский кабинет и получаю разрешение на обзор завода, а также на получение «сведений» из всех отделов треста.

Я спешу на завод и попадаю туда одновременно с целым выводком школьников. Это какой-то «маленький» класс устраивает экскурсию на завод. Руководительница экскурсии важно, как насадка, выступает рядом с техником, который «объясняет» нам завод. Дети то сбиваются в кучу, то рассыпаются по сторонам, как настоящие дыпята. Здесь, по сравнению с огромными зданиями завода, с огромными расстояниями заводских дворов, эта стайка малышей кажется особенно маленькой. Нам показывают водяное колесо, которое приводило в движение завод до того, как была поставлена электрическая машина.

— Приходилось останавливать производство на летние месяцы, чтобы накопить воды в пруду, — объясняет нам техник.

Мы осматриваем старинный «кричный» молот в прокатном цеху.

Мы бродим, как по лесу, по обширной мастерской, где производятся рельсовые скрепления, по ремонтно-механическому цеху, по кузнице.

— Большая работа по ремонту проделана за последние два года, — говорит техник. — Здания подновлены, оборудование отремонтировано. В 1924 году построен новый сортокатальный цех, в 1925 году отремонтирована вторая мартеновская печь, в 1926 г. будет построена новая, третья домна.

Вот, наконец, и домны. Ребята смотрят с восхищением и ужасом на эти чудовища. У них действительно внушительный вид.

— Будь у нас достаточно топлива, — продолжает рассказывать техник: — эти домны выплавляли бы до 12 тысяч пудов чугуна в день. Но древесного угля мы добываем мало — всего 250 тысяч коробов. Вот мы и производим опыты — организуем доменную плавку на местном сыром каменном угле.

— Я слышала, что эти опыты производились, главным образом, на Нижне-Сандинском заводе, — говорю я.

— У нас также. И они дали вполне удовлетворительные результаты.

Читатель поймет всю важность этого вопроса для уральской горной промышленности, когда представит себе, что до настоящего времени большинство уральских заводов работает на древесном угле — том самом, на котором мы ставим самовары. Можно себе представить, какое количество угля уходит на плавку и какое количество леса вырубается ежегодно.

Одних рабочих по лесозаготовкам и «углежогов» на Урале около 30 000 человек.

Пока мы разговариваем, у ребят с руководительницей тоже идет оживленный разговор.

— А теперь чей завод? — спрашивает мальчик в длинной не по росту куртке, видимо отцовской.

— Твой, — отвечает руководительница. — Твой. Мой. Наш. Всех, кто работает.

— И домна моя?...

— И домна.

Сообщение о том, что и домна принадлежит им, наполняет ребят гордостью и важностью.

— Марья Ивановна, — говорит мальчик в отцовской куртке, — будем ходить смотреть на нее каждую неделю, хорошо?

Не подумайте, читатель, что я выдумала этот разговор подобно тому, как выдумываются сейчас «детские слова». Нет, я подслушала его в Нижне-Тагиле у той самой домны, которая принадлежит теперь и мне и вам. Я и сама бы не прочь смотреть на нее каждую неделю. Она очень красива.

После барского дома и завода следуют пруд и деревня. Но пруд — это река Тагил, запруженная на 15 верст, и с пуском электрической машины, пруд перестал быть полезностью, а стал частью тагильского пейзажа.

На этом пейзаже выделяется много церквей казенной архитектуры; у них одинокий и безлюдный вид.

Тагильцы, по примеру Демидовых, любят памятники. Я видела «Памятник свободы», похожий на некую эмалированную посуду. На одной из больших площадей строится памятник Ленину. Это не голова Ленина, которую вы встретите теперь в любом маленьком городишке, обычное украшение чахлого городского сада. Нет, это настоящий памятник на гранитном пьедестале в три человеческих роста. Сейчас он еще только строится, и по всему тагильскому округу идут о нем разговоры. Нужен ли памятник?

Эти разговоры я услышала в «Доме Крестьянина», куда попала, наконец, под вечер; досыта налюбовав-

шись на базаре тагильскими кустарными изделиями; раскрашенными пимами (валенками), сундуками «мороженого» железа, похожими на драгоценные ларцы, и цветными туесами (бураками из березовой коры).

В «Доме Крестьянина» я нашла своих давешних попутчиков — конопатчика с семьей. Он показал мне «Дом», чистую столовую с дешевым буфетом, сравнительно чистые спальни, избу-читальню с библиотекой — и познакомил меня с «избачкой».

Тагильские рабочие обслуживаются хорошими клубами. К их услугам лекторы, инструкторы, пропагандисты и руководы. Но деревня, та самая деревня, которая начинается уже в трех верстах от горнозаводского центра, каким способом, какими щупальцами захватить ее и подтянуть к городскому уровню?

В Тагиле имеется только одна гостиница, и та переполнена. Приезжие дома и постоялые дворы, квартиры знакомых и кумушек набиты до отказа. Приезжающему из деревни на два дня, на неделю, на сутки, негде остановиться. Он может найти приют за ничтожную плату лишь в «Доме Крестьянина». И здесь останавливаются бывалые люди: предвик, секретарь сельсовета, кооператор; а вместе с ними сюда плывет и случайный мужик и баба, которым деваться некуда, а переночевать надо.

Их-то и захватывает «избачка».

С наступлением темноты, когда базар и учреждения закрылись и остается только прийти и лечь на собственную койку в ожидании рассвета, избачка обходит все спальни и предлагает постояльцам «Дома» подняться в читальню; «она-де будет читать газету».

Идут неохотно, но идут, потому что все равно придется отбыть эту скучную повинность. В большой комнате с портретами вождей, с замерзшими стеклами, где сквозной ветер гуляет от стены к стене,

посетители расписываются на столе, загроможденном газетами и книгами. Подписавшись, стараются улизнуть незаметно, чтобы завалиться спать. 5—6—8 человек уходят, 4—5, наиболее совестливые, остаются, чтобы не обидеть эту маленькую женщину в круглых очках, которую, кажется, так легко обидеть.

Вот тут-то и начинается главная работа избачки — заинтересовать, втянуть в разговор, задеть мозги, в которых не шевелится ничего, кроме самогонки, ржаной муки и гвоздей.

Нижнетагильская «избачка» недурно справляется с этим делом.

Не прошло и полчаса, а мы уже вели оживленный разговор о беспризорных. Разговор этот поднял мой конопатчик, и видно было, что вопрос здорово всех затрагивает.

— Стрелять их надо, как собак, — говорил маленький черный мужик с длинной бородой. — Бандиты растут и воры. Если власть стрелять их не будет, мы сами за это дело возьмемся.

Но это мнение не вызвало сочувствия.

— Не стрелять, а ремеслу учить, подходящему ремеслу, — отвечал ему другой, широкоплечий седой старик. — Эти беспризорники — они самые способные ребята, самые башковитые.

— Сперва накормить надо досыта, обути всех, а потом уже учить, — сказала «избачка».

Тут-то и зашел разговор о памятнике Ленину.

— Сколько голодных, раздетых, — снова начал говорить маленький черный. — А они на памятник деньги собирают, памятник ставят. Так сам Ленин бы плюнул на этот памятник, не позволил бы себе памятник ставить. Лучше голодных накормить.

— Не все для утробы делается, — отвечал ему старик. — А насчет беспризорных вы, барышня, хоть и образованная, тоже не так говорите. Вы не ду-

майте, что они с голоду шлятся. Вот у нас здесь и голоду не было. А беспризорных, сколько хотите.

— Отчего же по-вашему беспризорные заводятся? — спросила я.

— От женщины, — строго ответил старик. — Когда у нас мать будет детей воспитывать, тогда и беспризорных не будет. А сейчас посудите сами. Растет мальчонка в семье, шустрый. Хочется ему то знать да другое. Он к мамке (отец-то занят). А мамка его к чорту посылает. Вот он на улицу и уходит. А с улицы дорога известная.

— Это верно, — подтвердили слушатели: — мамка виновата.

— Матку тоже нельзя винить, — вмешалась избачка. — Ей и по хозяйству, и за коровой, и тяжелая она, что ни год.

— Ее и не виним, — жизнь наша такая. Надо жизнь переделать.

Старик попрощался и вышел.

Так, обходным путем, боком, проникают в упорные головы мысли о перемене быта.

В Нижнем-Тагиле, как и во всяком другом Тагиле республики, живут наши современники.

Высокогорские рудники

Когда Ермак со своей дружиной проезжал через гору Высокую, ему неожиданно пришлось остановиться. Гора была магнитная, и «гвозди из подков Ермакова коня выскочили сами собой»... Когда же будущий завоеватель Сибири спешил, чтобы узнать в чем дело, — он немедленно потерял обе подметки со своих сапог.

Эта легенда, весьма распространенная на Урале, доказывает, что сапоги у Ермака были не «шитые», а подбитые железными гвоздями, ибо магнит, как известно, притягивает железо. Разумеется, если бы Ермак носил «скороходовские» ботинки «джим», на ранту, магнитные свойства Высокой горы остались бы неизвестными.

Но времена меняются. И вот высокогорский магнит перестал действовать.

Несмотря на это обстоятельство, если вы, читатель, попадете на гору Высокую, вы тоже останетесь в недоумении. Причиной вашего недоумения будут не сапоги, не подковы и не магнит, а самая гора — или, вернее, отсутствие горы.

Ибо гора Высокая уже давно превратилась в дыру, согласно известной песне:

Стоит степ,
В степу гора,
В горе дыра.

Это и есть Высокогорские рудники.

Если посмотреть на Высокогорские рудники сверху, вам покажется, что вы стоите на галерке обширного цирка.

Добыча руды ведется здесь открытыми работами. Гора скрыта давно до основания, и шахта идет огромным кругом, вдаваясь уступами в землю. На месте горы помещается обширная воронка, идущая вглубь на 29 сажен. Спиральная дорога кружит по откосу воронки, спускаясь в недра бурой, зеленокоричневой земли. Вдоль дороги у бурых уступов копошатся «забойщики» или, по-здешнему, «ломщики» руды. Они ломают внутренность горы, выковыривая из нее, кусок за куском, глыбы магнитного железняка. Работа забойщика проста, как просто его сваряжение.

Высокогорский рудник стоит 200 лет, а орудия рудокопа все те же; кайла, клин да балда. Забойщик бьет кайлой по большому куску руды, а затем мельчит его балдой. Если он стоит наверху, на уступе, он откладывает надтреснутую глыбу клином или ломом. С помощью таких орудий он выковыривает около двух кубических метров породы в день. А если порода не поддается, ему приходит на помощь динамит.

«Бурщик» бурит в скале дыру посредством пневматического бура и втыкает в отверстие палку; это метка для запальщика.

В три часа дня кончается работа на дне горы, и все уходит домой. Тогда работы обходит запальщик. Он начиняет бурки динамитом и производит запал по всем правилам подрывного искусства. В эти часы шахта небезопасна; в нее запрещается спускаться.

Утром на другой день работа возобновляется над взорванными, измельченными глыбами руды.

У ног ломщика руда лежит не как-нибудь, а в строгом порядке, кучками по качеству.

Ибо, хотя содержание железа в высокогорской руде необычайно высокое, но в ней попадают различные примеси — сера, фосфор, и опытный глаз ломщика узнает их сразу по незаметным для простого смертного признакам. Хороший ломщик никогда не ошибется в сортировке руды, это умение дается годами работы.

Так работают на дне Высокой горы. Как же поднимают руду наверх?

Для этого существуют амазонки.

По спиральной дороге, ведущей из глубины рудника на поверхность земли, носятся они вверх и вниз, стоя на легких двуколках, широко расставив ноги и грозно покрикивая на бойких коренастых

клячонок. У них развевающиеся короткие юбки и красные комсомольские косынки. Каждой из них не больше 18 лет, и по-здешнему их называют «гонялками». Все девочки окрестных деревень, начиная с 9-летнего возраста, работали в «гонялках» или возчицах руды. Гонялки подбирают у забойщиков руду и в бешеной скачке увозят ее на «отвалы», где женщины-чернорабочие складывают ее в штабеля у линии железной дороги.

Окрестности бывшей «Высокой горы» загромождены красными и бурными глинистыми и песчаными насыпями. Эти новые горы — отвалы пустых пород — глины и песку, которые день за днем вывозятся из шахты гонялками. Тут же лежат миллионы пудов серного колчедана. Когда-нибудь это громадное богатство будет пущено в ход. Сейчас оно лежит без движения, так как наши заводы его не берут. Из Высокой горы извлекают только магнитный железняк и мартиты.

Мартиты извлекаются из шахты, которая носит название «Ключевской». Здесь на дне шахты бьют ключи и сливаются в небольшое, железистой воды, озеро. Если смотреть с мостика канатной дороги, который протянул дрожащие тоненькие дощечки над пропастью шахты, «Ключевская» имеет живописный вид.

Земля здесь совсем рыжая, как железная ржавчина. На дне громадной ржавой воронки блестит озеро. По откосам горят костры — это греются забойщики.

В «Ключевской» амазонки отсутствуют. Это более новая шахта, и в ней перед самой войной устроен бремсберг — канатная дорога для подъема вагонеток с рудой. В прошлом году бремсберг отремонтировали и пустили в ход.

Рабочие на руках катят вагонетки с рудой до нижней площадки бремсберга а там, с верхней пло-

щадки бремсберга, по рельсам до края насыпи, где руда сыпается к железнодорожному пути.

Паровоз Пермской железной дороги ежедневно увозит руду в Тагил и на другие чугуноплавильные заводы Урала.

Высокогорским рудокопам есть чем похвастаться: за 1924—25 год добыто руды:

первого сорта	6 216	тысяч пудов
второго »	2 940	»

Рудник превысил задание по добыче руды, дав таким образом:

по первому сорту	103%	годового задания
» второму »	393%	»

— Все бы хорошо, — говорят на руднике: — только с железной дорогой беда! Дорога не своя, а казенная. То не подаст вагонов совсем, а то подаст их вечером или ночью, когда рабочий день закончен и надо оставлять «сверхурочных» рабочих.

Так здесь привыкли работать: все кругом «свое». Целые деревни из поколения в поколение работают на руднике. При хозяевах нанимались с собственными лошадьми и двуколками, со старухами и младенцами. «Младенцев» хозяева принимали охотно. Им платили гроши.

Младенцев и старух теперь не принимают, за этим зорко следит охрана труда. И все-таки на 1 770 рабочих рудника имеется 305 женщин и 169 подростков.

Женщины на уральских рудниках работают редко, и в таком большом числе, как на Высокой горе, работниц почти нигде не встретишь. Да и здесь они исполняют вспомогательные работы, наименее оплачиваемые. Забойщиков женщин — нет.

Есть среди рудокопов поверье, что женщина не должна спускаться в землю и браться за кайлу:

шахту, в которую она спустится, посетит несчастье. Мне рассказывали «из совершенно достоверных источников», как в некоей шахте произошел обвал после того, как рудничная докторша спустилась в нее вопреки предупреждениям рабочих. «Такой же случай» произошел и с одной делегаткой.

Так рассказывают старики. Однако, гонялки продолжают мчаться по Высокогорской шахте, и многие из них уже подумывают о том, чтобы взять в руки «кайлу». Недаром ходит «слух», что уже на Челябинских женщины рискнули спуститься в шахту и сделаться забойщицами. А Челябинки и не вздумали по этому случаю проваливаться.

Как живут и чем живут близ Высокой горы все эти «ломщики», «бурщики», «запальщики» и «гонялки»?

Работают сдельно, с куба сработанной породы. Нанимаются, большей частью, артелью. Забойщик с парой лошадей вырабатывает от 4 до 6 рублей в день. Пеший забойщик 1 р. 80 — 2 р. 50. Гонялка получает от 65 коп. до 1 р. Живут тут же, в Гольянке или в «Ключах». У большинства — хозяйство, скотина, покос. Живут не плохо. Землю получили; голода здесь не видели, только что при Колчаке помучились от повинностей всевозможных. «А при советской власти жить можно стало». В организацию, в клуб втягиваются туго. Много неграмотных. Развлечение одно — кумышка, т.-е. самогон.

Особенно много неграмотных среди женской молодежи. И ничего удивительного. Чем посылать девочку в школу, выгоднее было отдать ее в «гонялки». Какникак, а 10 — 15 копеек в день выработает.

И вот результаты: когда я сидела в фабкоме, пришли две девушки записываться в союз. Девушки на вид бойкие, кудряшки из-под косынки, пальто городское,

язык занозистый. А когда дошло до подписи под анкетой, обе смутились: ни одна не умела подписать собственной фамилии. Пришлось организатору женщин подписаться за обеих.

Организатор женщин — работница, командированная сюда с Надеждинского завода, рассказывала мне, как она ведет работу среди «амазонок». Нелегкая задача! — Первое время они и в союз записываться не хотели. Повели мы борьбу за подростков. Подростки по закону 6 часов работают. Хозяйственникам это не выгодно. Стали они заменять подростков взрослыми рабочими. Пришлось фабкому повоевать. Теперь мы добились того, что разрешили подросткам работать по 8 часов с тем, чтобы им оплачивали 2 часа сверхурочно. После этого молодежь поголовно стала в союз записываться. Зато с клубом — беда!

— В школу грамоты не записываются. В политкружок запишутся и не посещают. В драмкружок родители не пускают, — староверов много среди них. Что тут делать? И вот секретарю пришла в голову блестящая мысль — устроить кружок по кройке и шитью. И что же вы думаете? В первый день 70 человек записалось. И на занятия ходят все, как одна. А я довольна, нам бы только начать, приучить их к клубу.

— Почему же они так на шитье накинулись?

— Так здесь никто шить не умеет — ни молодые ни старые. Где же тут научиться, когда целый день на двуколке скачешь!

Кройка и шитье — вот новый магнит для Высокой горы. А за ним найдутся и магниты покрепче.

— Почему же, — может спросить читатель: — почему настоящий высокогорский магнит, действовавший во времена Ермака, теперь утратил свою силу?

Я тоже интересовалась этим вопросом.

— Магнитные линии потревожены, — объяснили мне: — и потому магнитная сила ослабела.

Что ж, приходится довольствоваться таким объяснением.

Очевидно, старые магниты выдыхаются!

Пермь

Пермь относится к Свердловску, как Ленинград к Москве, Киев к Харькову.

Пермь — бывшая столица. Свердловск — столица нынешняя.

Свердловск — торговопромышленный центр. Пермь, гнездо краевой культуры.

До 1922 года Свердловск (в то время Екатеринбург) был уездным городом Пермской губернии. С 1922 года он стал «первым областным городом СССР», центром всей Уральской области, в которую Пермь вошла скрепной окружной единицей.

После шумного Свердловска тихие улицы Перми покажутся вам безлюдными. Величаво и безмолвно течет широкая черная Кама. На чистеньких мощеных улицах с асфальтовыми панелями стоят пустые купеческие особняки. Город эвакуировался дважды — при красных и при белых. В третий раз он опустел с ликвидацией губернских учреждений, в связи с районированием края. Пермь стала отставной столицей.

Правда, здешние патриоты, — а таких немало, — мечтают о создании особой «Прикамской» области, которая объединила бы вокруг Перми все северное Прикамье и Приуралье, — но покамест эти мечты остаются мечтами.

Центр города пуст. Настоящая жизнь Перми протекает на ее окраинах: на Заимке, где помещается

университет; в Мотовилихе, где днем и ночью дымят трубы знаменитых Мотовилихинских заводов.

У Перми есть преимущество перед Свердловском: она не знает ни «жилищной нужды» ни «квартирного кризиса». Со всех концов Северного края, из самых глухих мест, съезжается в Пермь молодежь для учебы, и всем находится здесь место.

А Мотовилихинские заводы, сократившиеся во время гражданской войны, теперь вновь растут и расширяют производство, с каждым годом привлекая все новые кадры рабочих.

«Учатся и работают» — вот впечатление от современной Перми.

Учатся и работают на Заимке, работают и учатся в Мотовилихе.

Пермь — культурный островок среди полудикого края.

Пермь имеет университет, несколько техникумов, библиотеки, обширный и богатый музей. Губернаторская Пермь завела в свое время, за счет уездных городов, водопровод, канализацию, электрическое освещение и телефон. Но кругом Перми живут потомки остяков и вотяков, зырян и пермян и всей «чуди белоглазой», и жизнь их мало чем отличается от жизни их предков.

Прошлым летом здесь обнаружена была деревня, где жители ничего не знали не только о революции, но и о войне. Жили на болоте, в лесу, куда и летом не пробраться; охотились, вели «натуральное хозяйство». За пределы своей деревни они и прежде не выбирались, а приезжали к ним купцы из ближнего села, верст за 100. А потом перестали приезжать.

Когда нескольких крестьян из этой деревни привезли в Пермь, они испугались, так как никогда до этого времени не видели ни двухэтажного дома, ни поезда, ни парохода.

Теперь эти крестьяне и подобные им «дети лесов» учатся на Пермском рабфаке, приобщаясь к началам так долго недоступной культуры.

Серебряный медведь на красном фоне, а над ним крест — таков был герб города Перми, и означал он медвежью дикость окружавших Пермь народов и просвещение их помощью креста.

Если крест, который царская власть в отношении к инородцам подменяла нагайкой и водкой, если этот крест заменить какой-нибудь другой эмблемой, указанный герб соответствовал бы действительности.

Мне рассказывали, как, на одной из лекций на здешнем рабфаке, только-что привезенные из каких-то медвежьих углов пермяки приняли сенсационное известие (знакомое каждому школьнику) о том, что «прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками и другого быть не может».

Сначала они не поверили. Говорят: «это неправда!». Но когда им показали рисунок на доске, дружный хохот огласил аудиторию. Они вообразили, что это волшебный фокус, и каждый захотел нарисовать сам. Убедившись, опять хохотали до упаду. А потом дня три не могли успокоиться: на всех тетрадях, на столах и даже на стенах класса рисовали полюбившийся фокус: две точки и между ними прямую линию, а внизу подпись: «и другого быть не может».

Вот, на мой взгляд, неплохая эмблема для дополнения пермского герба.

В Перми университет существует с 1916 года, но и до его возникновения пермские учебные заведения видели в своих стенах не мало талантливых и образованных людей.

Несмотря на рогатки, поставленные вокруг царской школы, наиболее способные и сильные из

заводской молодежи пробивали себе дорогу к просвещению. Одним из таких людей был А. С. Попов, изобретатель беспроволочного телеграфа.

Он учился в Перми, и портрет его вместе с портретами других знаменитых его земляков — Мамина-Сибиряка, Решетникова, художника Верещагина, математика Первушина и других — бережно хранится в местном музее.

Пермь — культурный центр; музей — одно из ценнейших его учреждений.

В бывших архиерейских покоях, на косогоре, на крутом берегу Камы, помещается художественный отдел музея. Рядом тянется белое здание бывшей духовной семинарии, недавно отведенное Пермским исполкомом под остальные музейные отделы. В здании около 100 комнат, и когда-то его занимала Чека. Но времена меняются.

У музея нет денег на отопление, но зато есть широкие планы. «Главнаука» держит музей в черном теле, но, к счастью, ему помогает Пермский исполком. Вот отвели здание, дали денег на дрова и на почтовые расходы, помогли организовать экспедицию в глубь Северного края, по деревням и заводам. Для этнографического и историко-бытового отделов экспедиция привезла старинные кареты, старинную кустарную мебель, домашнюю утварь, сундуки, часы и вышивки. Экспедиции удалось получить такие «уники», как «первую паровую машину», изобретенную на Урале каким-то крепостным самоучкой лет за 15 до изобретения ее в Европе, и модель «адмиралтейских» часов.

А. С. Лебедев, заведующий музеем, рассказывал мне о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться «на местах». Особенно много хлопот было с деревянной церковной скульптурой. Это резные раскрашенные статуи различных святых и мучеников,

весьма распространенные когда-то по всему Пермскому краю. Большинство из них было уже много лет тому назад изъято из церквей и валялось по церковным чердакам и подвалам. Чтоб добыть эти статуи, экспедиции пришлось вести дипломатию на двух фронтах. Во-первых, шадить религиозные предрассудки населения. Во-вторых, не обнаруживать перед завкомами и сельсоветами особой радости по поводу той или иной находки. Всякая «власть на местах» боялась упустить ценный предмет и придерживала даже ненужные ей вещи, якобы для будущего «клуба».

«Нашли мы в подвале старинную купель с резными украшениями. В ней разводили белила. Поп говорит: возьмите, мне не надо. А сельсовет спорит: нам-де нужно, — не в чем белила разводить. Насилу отвоевали. А потом мы научились и спрашивать перестали. Подъедем к барскому пустому дому. Возьмем что надо, наложим на воз, и... гони лошадей. А иначе ничего не добьешься».

Таковы рассказы «странствующих рыцарей музейного ордена». А в Перми эти «рыцари» объединили всех коллекционеров, без различия возраста, связались со школами фабзавуча, с Истпартом, завели корреспонденцию с учителями по всему Северному краю.

— Одних членов-корреспондентов у нас 600 человек, — сообщил мне заведующий музеем: — а Главнаука отпустила нам на канцелярию и почтовые расходы 20 рублей на целый год.

Отсутствие средств не дает музею развернуться полностью. Богатые коллекции музея (а в нем имеется 20 отделов) частью стоят в ящиках по пустым комнатам бывшей семинарии. В этих ящиках находится все, что имеет отношение к изучению местного края, начиная с «геологических коллекций и собрания чудских древностей» — кремневых орудий перво-

бытного человека, — до современных изделий уральских заводов. Интересен производственный отдел, один из немногих развернутый полностью, в связи с бывшей недавно в городе выставкой фабзавуча. Каждое изделие показано здесь в процессе производства, так что вы можете наглядно проследить путь куска руды от его выхода из рудника до появления на базаре в качестве эмалированного чайника.

У музея имеется искусный чучельный мастер Ушков, который создал для зоологического отдела несколько замечательных групп чучел зверей и птиц.

Пройдите по светлым комнатам пермского архиепископского дома. Вы увидите сборище страшных деревянных раскрашенных идолов. Это и есть знаменитая коллекция деревянной скульптуры.

Здесь все человеческие фигуры, сработанные в человеческий рост, но с таким наивным и жутким реализмом, что у вас начинает кружиться голова. Вот Христос в темнице: в стеклянной клетке, вроде кабинки от лифта, сидит на стуле деревянный изможденный мужик в железном венце, утыканном гвоздями; из-под матерчатой, выцветшей мантии торчит голая худая человеческая нога.

Мученики измучены до того, что, глядя на них, вы начинаете чувствовать тошноту, как в музее кожных болезней. У всех у них северные мужичьи лица, типичные лица голодающего, забитого, одуревшего от непосильной работы мужика. Женщины, те — широкоскулые, с раскосыми, злыми глазами, одеты по-бабьи, в сарафаны или кофты.

У большинства — и мужчин и женщин — непередаваемые по уродству лица.

При мне в музее было еще трое посетителей: немолодой уже рабочий и с ним две женщины. Налюбовавшись вдоволь на фарфоровые чашки и бисер-

ные кошельки, они спустились в залу, где стояли деревянные мученики.

Когда они вышли из этой залы, женщина помоложе вздохнула и сказала:

— Ой, какие страшные!

— Вот видите, — вразумительным голосом стал объяснять мужчина. — Говорят попы, что бог создал человека. А на самом деле человек-то этих богов и создал. И как плохо создал. А потом, когда научился лучше делать, этих выбросил. Вот их всех по церковным подвалам-то и отыскивали, да в музей и привезли. Пусть люди всю правду про богов узнают.

— Колдуны это, наверно, были, а не боги, — сказала пожилая женщина.

— Несознательность это, — ответил мужчина: — колдунов нет.

Мне запомнился этот подслушанный в музее разговор. Полагаю, что при наличии хорошего «объяснителя» вряд ли найдется где-нибудь такое наглядное пособие по безбожию, как пермская коллекция деревянной скульптуры.

Что же касается колдунов, то я убедилась в том, что они существуют. Это случилось в тот же день в Перми, на базаре.

Здесь между возами с капустой, прикрытой ватными одеялами от крутых октябрьских заморозков, подле расписных невянских сундуков я увидела настоящую колдунью.

У нее были глаза, как два пробочника, и нос крючком. Она сидела в глубине маленького темного ларька, сплошь увешанного связками и пучками сухих трав, корней и цветов. На решетках и на ситах лежали семена и зерна разных фасонов. У ларька стояло 3—4 человека, и я стала вслед за ними в очередь к странной торговке.

— От испуга мне, милая, что-нибудь дай,— говорила стоявшая у самого прилавка полная женщина.— Дочка у меня все болеет. Не могут вылечить доктора.

— Чебурки надо заварить,— пискливым голосом ответила «колдунья». — Она от испуга помогает.

Костлявая рука потянулась достать привешенную у потолка черную траву.

К сожалению, мне не удалось узнать подробности лечения «от испуга». Старуха увидала меня и, почуввав чужого человека, недоверчиво спросила:

— Что желаете?

Купив на гривенник ромашки, единственного понятного мне в ее коллекции зелья, я ушла с позором.

Очевидно, знахарство пользуется почетом в Перми наравне с отраслями других более точных знаний.

Из Перми я направилась в Мотовилиху.

Мотовилихинский завод лежит в четырех верстах от Перми, по линии горнозаводской железной дороги. На самом деле поселок почти сросся с Пермью, так что превратился в пригород, вроде Невской или Нарвской заставы в Ленинграде.

Мотовилиха — большой заводский поселок — начала свое существование много раньше основания Перми. Здесь был когда-то медеплавильный завод, а в 1864 году на его месте построили так называемые Пермские пушечные заводы. Поселок рос вместе с заводом, и к началу японской войны в Мотовилихе числилось до 30 000 населения, из которых 10 000 работали на заводе. В 1905 году мотовилихинские рабочие, первые на Урале, подняли восстание против самодержавия. Из руководителей одни были убиты, другие скрылись. «Дело о вооруженном восстании в Мотовилихинском заводе» — обвинительный акт и прочие документы по данным пермского окружного суда — лежат сейчас в Пермском истпарте.

Но рассказы о восстании и его героях — Александре Лбове с товарищами — ходят и по сей час в народе. Лбову удалось бежать от жандармов и скрыться в лесах. Здесь он организовал партизанский отряд, шайку бесстрашных и приговоренных к смерти людей. В течение нескольких лет лбовский отряд держал в страхе всю местную полицию и жандармерию. Отряд «снял» полицейских, совершал легендарные по смелости экспроприации — «экссы», как их называли в то время. У Лбова всюду были друзья, рабочие скрывали его и его товарищей от шпионов и жандармов. Рассказывают, будто однажды полиция донесла, что Лбов будет вечером в доме некоего Витте, где для него готовится баня. Полиция, жандармы и сотня казаков нагрянули в Мотовилиху и окружили дом. Тогда Лбов, которого не успели предупредить, вышел из дому один, без оружия (чтобы не подвести хозяев) и с необычайной ловкостью обманул полицию, жандармерию и казаков.

Недаром пермский губернатор Наумов написал тогда в одной служебной записке, где он давал ряд распоряжений по борьбе с революцией:

«В общем, однако, все это одно стрельяние пулями по ласточкам или ношение воды в решете».

Мотовилиха продолжала быть очагом революционного движения. Мотовилиха в 1917 году, Мотовилиха при Колчаке, Мотовилиха в партизанских отрядах — все это служит темой для большой книги, подготавливаемой Пермским истпартом.

Мне пришлось быть в Мотовилихе глубокой осенью вечером. Вдоль линии железной дороги, между рельсами и Камой, растянулись черные заводские корпуса с ярко освещенными окнами.

От завода на темную улицу шел свет и сдержанный гул. Кругом дремали тесно прижавшиеся друг к другу деревянные темные домишки. Этот бес-

сонный сдержанный гул ночной работы и яркий свет электрических прожекторов еще резче оттеняли нищету и мрак типичной заводской улицы. Было всего девять часов вечера, а здесь уже спали непробудным сном. Я решила отправиться на поиски «неспящих» людей.

В конце улицы мне бросилось в глаза одноэтажное освещенное здание. Здесь не спали—это было очевидно. Во всех окнах виднелись мужские и женские фигуры. В доме было тихо, в комнатах, повидимому, шли занятия. Прижавшись к одному из окон, я увидела учителя. Он сидел как раз против окна, и яркий свет полуватной лампочки освещал красный значок на груди его френча. Правый рукав френча был пуст и подколот кверху. Он что-то объяснял своим слушателям. Мне запомнились лица двух немолодых женщин,—с таким напряжением они слушали.

Дверь скрипнула. Кто-то вышел из дома, но в темноте не видно было кто.

— Что это, школа?—спросила я.

— Райком,—отвечал невидимый мой собеседник.

— А где клуб у вас?

— Дальше туда, через мостик.

Попатавшись по кочковатой мостовой в тщетных поисках клуба, я услышала, к счастью для себя, взрывы смеха и молодые голоса. Голоса привели меня к двухэтажному зданию, со всех сторон окруженному лесами. Это и был мотовилихинский клуб.

Попасть в него оказалось не так-то легко. Лестница клуба ремонтировалась, как ремонтируется сейчас все на Урале, и вместо лестницы, приблизительно с половины человеческого роста, был устроен косой помост до второго этажа дома. Помост проходил под самым потолком, и подыматься по нему можно было только согнувшись пополам и придерживаясь руками за боковую стенку. Как быть?..

Но «голоса» поднялись по помосту, и я последовала за ними в полной темноте, попросившись предварительно с собственной персоной. По окончании этого рискованного путешествия я увидела старушку-сторожиху, мирно вяжущую чулок наверху лестницы, и услышала репетицию мотовилихинского кружка хоровой декламации, который готовился к Октябрьским торжествам. Не помню, что именно декламировали, но помню твердо, что я преисполнилась гордости за силу поэзии и театра, внушающих своим мотовилихинским ученикам столь трудные подвиги, как ежевечерний подъем по этому чортову помосту.

Но поэзия и театр суть, несомненно, явления человеческой культуры. А культура—требовательная особа. Она заставляет людей делать не только то, «что необходимо», но и лишнее.

Так и эта книга. С точки зрения элементарных потребностей—она лишняя.

Записная книжка

Записная книжка, верная моя спутница, наконец-то я тебя разгрузила. Даты и фамилии, анекдоты и факты, цифры и лирику—ты принимала все, что видели мои глаза и слышали мои уши. Мы коротали с тобой скучные часы ожидания на маленьких уральских станциях, где на стенах висят портреты вождей, а на полу по щиколодку насыпана шелуха от подсолнухов. Мы тряслись на колесницах всевозможных фасонов, испытывая на собственных боках все ухабы уральских дорог.

Камня на Урале имеется достаточно, но когда на Шарташском тракте я спросила своего возницу, почему здесь не мостят дорогу, он равнодушно ответил: «народ не антересуетя, а начальство не требо-

вает». И это замечательное изречение я зарегистрировала на твоих страницах.

Старое в новом и новое в старом смешано в тебе, как в нашей современности: на той же Шарташской дороге в мрачном раскольничьем «скержацком» селе высятся две белые мачты новой радиостанции; посреди черных низеньких изб троссы и мачты горели на солнце, как «боевой снимок» на развороте иллюстрированного журнала.

Мы видели с тобой знаменитую «Нахаловку» — пригород Свердловска, где дома выстроены из земляного дерна, сложенного наподобие кирпичей. Более тысячи человек ликвидировало таким образом собственный квартирный кризис, и в виду того, что земля для постройки взята у города без разрешения, «нахалом», поселок назван Нахаловкой.

Но мы присутствовали в том же Свердловске на торжественной закладке нового здания для «Промбанка», где представители местных организаций и почетные гости произносили речи о новом строительстве.

Записная книжка, ты оказывала мне лично несценные услуги. В поездах и в ресторанах ты спасала меня от навязчивых знакомств. В Перми, в казино, где кроме горячего ужина можно неожиданно найти у собственного столика компанию пьяных растратчиков, твое появление было подобно взрыву пироксилиновой бомбы. Ибо «женщина с записной книжкой» уже не женщина, а «рабкор», существо страшное и угрожающее.

Случалось не раз, что нас с тобой принимали за ревизоров: все могущество советской прессы бросало свой отблеск на наши скромные возможности. Нас засыпали официальными цифрами о выработке и тайными сведениями о пьяных гулянках. Нам жаловались на то, что водку-де непристало продавать

в сельских кооперативах, и также на то, что ее отпускается слишком мало. Нам хвастались тем, что шефствующий полк провел электрическое освещение в селе, и жаловались на волокиту в учреждениях.

— Почему Варвара Пылина уже целый год не получает пенсии после убитого на заводе мужа, а уполномоченный соцстраха дерзко ответил ей: «У нас другие и по полтора года ждут»?

— Почему двенадцатилетнего Кольку, у родителей которого имеется москательная лавочка, не принимают в советскую школу за непролетарское происхождение? Разве лучше для государства, чтобы он воровал арбузы на базаре или ставил по крышам силки для птиц?

— Почему в сельской библиотеке нет книг по электричеству, а есть иностранные романы?

— Почему инженеру с семьей предоставляется комната в «приезжем доме», а рабочий должен ночевать на станции, пока не подыщет себе кобуры?

Все эти вопросы записаны в тебе, записная книжка, и обо всех этих вопросах мы обещались написать. И вот я списываю их на страницы этой книги.

В задачу нынешней книги входило только одно: написать о том, что я видела. Но даже и эта задача оказалась слишком обширной. Не все удалось записать, и не все набросанное в записной книжке перейдет на страницы этой книги. Ибо всякая регистрация имеет предел.

Но мне хотелось бы еще раз побывать за Каменным Поясом, посмотреть на мрачные горы, на широкие долины, на кедровые леса, на пруды и заводы, на суровых и крепких уральских людей и послушать рассказы о старой и новой «старине». Революционный Урал ждет своего писателя.

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД, ул. Герцена, 19, тел. 217-79.
МОСКВА, Лубянский пасс., 46-49, тел. 2-24-09.

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Бродянский, Бор. — Океан. Двадцать пять эпизодов. Предисл. Вл. Лидина. Стр. 76.
Ц. 70 к.

Буданцев, Сергей. — Японская дуэль. (Печат.).

Грабарь, Леонид. — Люди - человеки. Первый сборник. Стр. 168. Ц. 1 р. 40 к.

Жига, И. — Думы рабочих, заботы, дела. Записки рабкора. Стр. 136. Ц. 1 р. 25 к.

Иванов, Всеволод. — Дыхание пустыни. Рассказы. Стр. 170. Ц. 1 р. 10 к.

Катаев, Валентин. — Растратчики. Повести и рассказы. Стр. 273. Ц. 1 р. 85 к.

Лавренев, Б. — Рассказ о простой вещи. Стр. 107. Ц. 50 к.

Лидин, Вл. — Пути и версты. Стр. 188.
Ц. 1 р. 50 к.

Пильняк, Бор. — Корни японского солнца.

Ким. Р. — Ноги к змее. Стр. 186. Ц. 1 р. 50 к.

Раковский, Леонтий. — Зеленая Америка. Повести и рассказы. Стр. 179. Ц. 1 р. 40 к.

Форш, Ольга. — Московские рассказы. Стр. 96.
Ц. 75 к.

Шагинян, Мариэтта. — Избранные рассказы. Стр. 192. Ц. 1 р. 50.

ЦЕНА 80 КОП.

16579

ТОРГСЕКТОР ИЗД-ВА „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД: УЛИЦА ГЕРЦЕНА,
ДОМ № 15. ТЕЛЕФОНЫ: 217-79, 217-78.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
ЛУБЯНСКИЙ ПАСС., 46—49. Т. 2-24-09.
ОТДЕЛЕНИЯ: В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ,
ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ, СВЕРДЛОВСКЕ,
НОВГОРОДЕ, ЧЕРЕПОВЦЕ
И В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ

**РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA**

**ОТДЕЛ ВНЕШНЕГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
DEPARTMENT OF EXTERNAL SERVICE**

**191069, РОССИЯ, С.-Петербург, Садовая ул., 18
18, Sadovaya st., St.Petersburg, 191069, RUSSIA**

**КОНЕЦ
END**